

Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Хранитель Драконов

ХРОНИКИ
ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ
Книга 1

РОБИН ХОББ

Звезды новой фэнтези

Робин Хобб

Хранитель драконов

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хобб Р.

Хранитель драконов / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-16464-2

Вверх по реке, на север, в сопровождении живого корабля и серебристо-синего дракона пробирается Клубок Моолкина – последние из племени, кого удалось собрать пророку с золотыми глазами. Это чрезвычайно тяжелый и опасный путь, но змеиному народу не выжить, если он не доберется до гнездовья, где можно перезимовать в спасительных коконах и дать потомство. Но даже если цель будет достигнута и из коконов вылупятся новые драконы, кто возьмется защищать и опекать их, беспомощных и неразумных, в истерзанном войной мире?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-16464-2

© Хобб Р., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Робин Хобб

Хранитель драконов

Памяти Крапа и Дымка, Бурхвостки и Радуги, Лоскутника и Синдбада – прекрасных голубей и голубок

Robin Hobb
DRAGON KEEPER
Copyright © 2010 by Robin Hobb
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Дрибинской

© Е. Я. Дрибинская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

*Второй день месяца Пахоты,
шестой год от воцарения его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго*

*От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

Нынче ночью отправил к тебе четырех птиц, они несут наше соглашение с драконницей Тинталей, дабы Совет Дождевых чащоб утвердил его. Соглашение разделено надвое, и каждая часть, в соответствии с пожеланием торговца Дивушета, главы Совета торговцев Удачного, переписана дважды и послана отдельно. Это соглашение подводит черту уговору между торговцами и драконницей. Мы оказываем ей содействие, помогая переправить змей вверх по Дождевой реке, а она взамен защищает города торговцев и наши водные пути от набегов калсидийцев.

Пожалуйста, как только сможешь, отправь мне с птицей подтверждение, что послание это дошло до тебя благополучно.

Детози, далее припишу в спешке от себя, сколько хватит места на этом клочке бумаги. У нас царит хаос. Мой птичник подожгли, многие птицы задохнулись. Один из моих гонцов – Кингсли. Ты знаешь, что его родители умерли и я сам вырастил его. Пожалуйста, приюти его и не отсылай обратно, пока все не наладится. Если же Удачный падет, береги Кингсли, как своего питомца. Молись за нас. Не уверен, что Удачный устоит против захватчиков, пусть даже ему и поможет драконница.

Эрек

Пролог

Последний день змеев

Долгий путь остался позади. Теперь она была у цели, и годы странствий уже начали тускнеть в памяти. Все заслонила новая насущная забота.

Морская змея Сисарква открыла пасть и изогнула шею, мысли ее путались. Вот уже много лет не покидала она морскую стихию. Чувствовать под собой сушу ей не приходилось с тех самых пор, как Сисарква вылупилась на острове Иных. Теперь тот остров, с его горячим сухим песком и ласковыми водами, остался далеко. А здесь, в лесах у обжигающе холодной реки, наступала зима. Мерзлая земля колола тело. От ледяного воздуха жабры очень быстро высыхали. С этим ничего нельзя было поделать, оставалось только работать побыстрее. Она подхватила пастью из глубокой канавы серебристой глины вперемешку с речной водой, запрокинула голову и проглотила эту холодную, скрипучую от песка массу. Как ни странно, оказалось вкусно. Змея сделала еще глоток. И еще.

Сисарква потеряла счет глоткам зернистой смеси, когда наконец ощутила пробуждение древнего инстинкта. Напрягая мышцы глотки, она чувствовала, как набухают ее ядовитые железы. Грива – мясистая бахрома на шее – встопорщилась, превратившись в дрожащий смертоносный воротник. Содрогнувшись всем телом, змея широко раскрыла пасть, поднатужилась – и все получилось. Сведя челюсти, она тонкой струей выплюнула рвущуюся наружу смесь глины, желчи, слюны и яда. Струя была подобна серебристой нити, тугой и тяжелой. Сисарква с трудом повернула голову, скрутилась поплотнее, прижав хвост к телу, и принялась оплетать себя глинистой смесью, словно влажным кружевом.

Послышалась тяжелая поступь. Тинталья. Драконница остановилась и заговорила с ней:

– Хорошо. Да, правильно. Прекрасное плетение, без прорех. Для начала очень хорошо.

Сисарква не могла даже взглянуть на серебряно-синюю королеву, удостоившую ее похвалы. Змея полностью отдалась делу, создавая оболочку, которая укроет ее на оставшиеся месяцы зимы. Сисарква трудилась с отчаянием, из последних сил. Она хотела спать, мечтала уснуть, но знала, что если заснет сейчас, то не проснется никогда ни в каком облике.

«Закончить кокон, – думала она. – Закончить. Потом смогу отдохнуть».

Рядом на речном берегу тем же самым, более или менее успешно, занимались ее сородичи. Среди них копошились люди. Одни ведрами носили с реки воду. Другие копали серебристую глину у ближнего берега и грузили ее в тачки. Подростки катили эти тачки к наспех сооруженной бревенчатой ограде. В яму лили воду, туда же сбрасывали глину, лопатами разбивали комья и размешивали до жидкой каши. Эта смесь была строительным материалом для оболочек. Змеи глотали ее, в утробе она насыщалась их ядом. В глиняном коконе под действием яда дыхание змеи замедлится, и она погрузится в глубокий, похожий на смерть сон. Вместе со слюной Сисарква вплетала в кокон воспоминания – не только свои собственные, но и память предков, жившую в ней.

И лишь драконы-стражи, опекуны змей, не внесли туда положенную лепту. Память шептала ей: в такой час рядом должно было бы кружить не меньше дюжины драконов – заботиться о змеях, пока те плетут убежища, ободряют их, жевать серебристый песок памяти и глину, добавляя в дело свою слюну и свою историю. Но стражей не было, а Сисарква слишком устала, чтобы гадать, как это скажется на ее судьбе.

К тому времени, когда кокон наконец был готов, Сисарква совершенно обессилела. Оставалось втянуть голову в горловину и закрыть отверстие. И тут до нее дошло, что змеям прежних поколений запечатать оболочку помогали драконы. А сейчас помочь некому.

На этот раз в устье Змеиной реки их собралось всего сто двадцать девять. Сто двадцать девять змей, готовых начать рискованный переход вверх по течению к месту сотворения коконов. Моолкин, их предводитель, очень тревожился, что среди них оказалось мало самок – меньше трети. В былые годы сюда приплывали сотни змей, причем самцов и самок было поровну. А Сисаркве и ее сверстникам выпало сначала затянувшееся ожидание в море, потом долгий путь, который они проделали в надежде вернуть себе подлинный облик. И теперь было невыносимо думать о том, что их слишком мало и что драгоценное время уже упущено.

Трудности речного пути оказались под силу не всем. Сисарква точно не знала, сколько ее сородичей добралось до места. Их осталось примерно девяносто, а самок всего десятка два. И змеи продолжали умирать. Вот только что она услышала, как Тинталья сказала человеку:

– Он мертв. Возьмите молоты, разбейте его оболочку и бросьте в яму с глиной памяти. Пусть другие сохраняют воспоминания его предков.

Сисаркве не было видно, но по звукам она поняла, что Тинталья вытаскивает мертвеца из его незавершенного кокона. Змея чуяла его плоть и кровь, пока драконица пожирала тело. Как трудно сопротивляться голоду и страшной усталости! Сисаркве хотелось разделить трапезу Тинталья, но она знала, что есть уже слишком поздно. Ее утроба полна глины, и надо продолжать.

А Тинталья нужно поест. Удивительно, как она еще держится. Единственный дракон, оставшийся в живых, чтобы оберегать змей. Всю дорогу Тинталья не сводила с них глаз, без усталости летая над рекой, изменившейся до неузнаваемости за прошедшие десятилетия. В основном она лишь подбадривала змей. А что еще ей оставалось? Она одна, а их множество...

Легко, как паутинка, коснулось разума древнее воспоминание.

«Неправильно, – подумала Сисарква. – Все неправильно, все не так, как должно быть».

Вот река – но где дубравы и пышные луга, некогда окаймлявшие ее? Сейчас вдоль реки тянется заболоченный лес с редкими островками твердой почвы. Если бы люди не потрудились и не укрепили тут берег камнем, его растоптали бы в грязь. Древняя память змеев шептала ей о богатых глиной отмелях вблизи города Старших. Драконам полагалось носить глину, смешивать ее с водой в яме и запечатывать оболочки змей. И все это должно было происходить под ярким летним солнцем.

Сисарква содрогнулась от изнеможения, и воспоминание исчезло. Попытки вернуть его оказались безуспешны. Осталось лишь понимание, что она – одинокая змея, пытающаяся сделать себе кокон, который защитил бы ее от зимних холодов, пока тело преобразуется. Просто змея, замерзшая и обессиленная после долгого плавания.

Потом вспомнились последние несколько месяцев. Конечный отрезок пути был непрерывной битвой с речным течением и каменистыми порогами. В Клубок Моолкина Сисарква попала недавно, и ее многое удивляло. Обычно в Клубок входило от двадцати до сорока змеев. А Моолкин собрал всех, кого смог найти, и повел на север. Им двигала глубокая убежденность в необходимости этого, пусть такому многочисленному Клубку и было куда труднее прокормиться в пути. Сисарква никогда не видела, чтобы столько змей странствовало вместе. Сказать по правде, некоторые из них опустили до того, что уже мало отличались от животных, другие от смутения и страха оказались на грани безумия. Рассудок очень многих был затуманен забвением. Но когда они все следовали за змеем-пророком со сверкающими золотом ложными глазами, Сисарква почти вспомнила древний путь. И другие змеи, плывшие рядом, тоже постепенно обретали дух и разум. Их тяжкое путешествие было правильным, правильнее всего, что случилось за долгие годы.

И все же ее посещали сомнения. Унаследованная память подсказывала, что та река, которую они искали, была глубока и полноводна и рыба в ней водилась в изобилии. В грезах Сисаркве являлись холмы и прибрежные луга, окаймленные чистым лесом, где голодные драконы могли найти пропитание. А эта река была узкой, и ее русло петляло среди лесов, заросших

кустарником и ползучими лианами. Вряд ли она вела к их древним местам окукливания. Но Моолкин яростно настаивал, что дорога верная.

Сомнения чуть не заставили Сисаркву повернуть обратно. Хотелось сбежать из этой ледяной реки и вернуться в теплые океанские воды, на юг... Но стоило замедлить ход или повернуть в сторону, другие змеи возвращали ее в Клубок, и приходилось плыть с ними дальше.

Однако если в истинности видений Моолкина она могла усомниться, то авторитет Тинтальи был для нее неоспорим. А синяя с серебром драконица признавала Моолкина вождем и помогала тому странному кораблю, что указывал путь его Клубку. Тинталья плыла над ними, подбадривала, направляла Клубок сначала на север, потом вверх по реке. До Трехога, города двуногих, плавание было хоть и утомительным, но без особых трудностей: змеи просто следовали за кораблем. А вот когда этот город остался позади, река изменилась: обмелела, разлилась вширь и разделилась на извилистые притоки.

Корабль-проводник остался в городе, он не мог плыть по мелководью. То и дело на пути встречались широкие отмели из гальки и песка, длинные лианы и корни растений душили протоки. Река текла то меж острых камней, то – на следующем повороте – через тростниковые заросли. Сисарква снова захотела повернуть назад, но вслед за другими змеями поддалась уговорам драконицы. Они поднимались все выше. Вместе с сотней сородичей Сисарква переползала через запруды из бревен – их построили люди, чтобы помочь змеям одолеть последние, самые трудные отмели.

Выжить удалось далеко не всем. Небольшие раны, которые быстро затянулись бы в соленой морской воде, река превращала в гниющие язвы. Из-за долгих скитаний даже лучшие из змеиного племени пали духом и повредились рассудком. Много, очень многое шло не так. Это путешествие следовало предпринять десятки лет назад, пока змеи были сильны и молоды, и подниматься по реке надо было летом, когда тела лоснятся от жира. А они плыли в дожди и зимние холода – отошавшие, изможденные. К тому же были намного старше своих предшественников.

За ними присматривала одна-единственная драконица, которая сама вышла из кокона меньше года назад. Тинталья летела, сверкая серебром в бледных лучах солнца, прорывавшихся сквозь тучи. «Уже недалеко! – кричала она змеям. – За этими порогами снова глубина, там поплывете. Давайте шевелитесь!»

А их покидали последние силы. Один крупный оранжевый змей так и умер, не сумев перекинуть свое тело через бревна запруды и повиснув на них. Сисарква была рядом с ним и видела, как его крупная клинообразная голова вдруг упала в воду. Она с нетерпением ждала, когда же он двинется дальше. Но тут завитки его гривы вдруг содрогнулись и выпустили посмертное облачко яда – слабенькое, быстро рассеявшееся. Последняя защитная реакция тела. Облачко сообщило змеям, что их сородич мертв. Запах и вкус его яда, попавшего в воду, звали на пиршество.

Сисарква немедля вырвала из мертвого тела кусок, проглотила и оторвала еще, пока другие змеи не успели понять, что случилось. Неожиданная возможность подкрепиться ошеломила ее не меньше, чем хлынувший поток воспоминаний мертвого змея. Драконы никогда не бросали тела умерших: живые питались мертвыми, забирая себе их знания. Каждый дракон хранил память всех своих предков, и точно так же каждый змей берег то, что помнили его предшественники. Так должно было быть. Однако Сисарква и барахтавшиеся рядом с ней сородичи слишком задержались в змеином облике. Воспоминания выцветали, а с ними угасал и разум. Эти змеи стремились стать драконами. Но какие драконы из существ, которые уже превратились в грубое подобие тех, кем должны были быть?

Сисарква вскинула голову, мотнув гривой, и отхватила еще один кусок от тела оранжевого змея. Нахлынули воспоминания о рыбе и о ночных песнях Клубка под звездным небом.

Очень древние воспоминания. Уже несколько десятилетий ни один Клубок не поднимался из Доброловища на Пустоплёт и не возвышал голосов во славу звездного неба.

Ее окружили сородичи, они шипели и топорили гривы, отпугивая друг друга и соперничая из-за каждой доли пиршества. Сисарква рванула последний кусок мяса и переползла через бревно, которое не смог одолеть оранжевый. Заглотив еще теплый кусок целиком, она вдруг подумала о небе, и в ней встрепенулось смутное драконье воспоминание оранжевого змея. Небо, раскинувшееся широко, как море... Скоро она вновь поплывет в нем. Осталось совсем немного – так обещала Тинталья.

Но если дракон преодолел бы это расстояние одним взмахом крыла, то измученным змеям предстояло долгое сражение с быстрой рекой. До заката они так и не увидели глинистого берега. Короткий день кончился, едва начавшись. Ночь пала внезапно, как удар. Еще одна ночь, когда от холода некуда было деться. Воды в обмелевшей реке едва хватало, чтобы смачивать жабры. Кожа на спине чуть не трескалась от обжигающего ледяного воздуха. Когда утром солнце осветило берега реки, Сисарква увидела: тех, кто уже не завершит этот путь, стало еще больше. И вновь ей удалось урвать свою долю еды, прежде чем толпа сородичей оттеснила ее от мертвых тел. Тинталья снова кружила над ними, уверяя, что до Кассарика уже недалеко, что скоро их ждет долгий мирный отдых преобразования.

День тоже был холодным, а спина за ночь пересохла. Сисарква чувствовала, как лопается кожа под чешуей, и когда река снова стала глубже и удалось нырнуть, мутная вода обожгла трещины. Сисаркве казалось, что ее тело разъедает кислота. Будь место оукливания чуть дальше, она могла бы и не добраться до него.

После полудня возникло ощущение, что они опаздывают, но время при этом тянется мучительно долго. В глубоких протоках змеи могли плыть, и хотя вода жгла потрескавшуюся шкуру, это было лучше, чем ползти на животе, словно гадюка, по заилненным камням речного дна.

Сисарква не заметила, когда они прибыли на место. Солнце уже клонилось к западу и постепенно скрылось за стеной деревьев, подступавших к реке. На илистом берегу реки какие-то создания – не Старшие – зажгли факелы, расставленные большим кругом. Змея присмотрелась к этим существам. Люди. Обычные двуногие, немногим больше, чем еда, которой змеи привыкли питаться. Люди мельтешили кругом и явно подчинялись Тинталье, служили ей, как некогда Старшие. Это было унижительно. Неужели драконы пали так низко, что связались с людьми?

Сисарква задрала голову, приносясь к ночному воздуху. Неправильно. Все неправильно. Вряд ли их место оукливания находится именно здесь. Но на берегу она увидела змей, опередивших ее. Некоторые уже замкнулись в коконы из серебрящейся глины и собственной слюны. Другие, изнемогая от усталости, пытались завершить работу.

Завершить работу. Да. Она вернулась в настоящее. Некогда предаваться воспоминаниям. В последний раз зачерпнув глиняной смеси, она слепила горловину кокона. Но не рассчитала. Запечатать оболочку было уже нечем. Если попытаться дотянуться до глины, кокон может сломаться, и это будет ужасно, потому что сил сделать новый уже нет. Работа почти завершена, осталась самая малость, но, если ею пренебречь, смерти не избежать.

Сисаркву накрыло волной паники и ярости. Сначала она хотела вырваться из кокона, но потом успокоилась, поддавшись воспоминаниям. Вот в чем ценность родовой памяти – иногда мудрость прошлого одолевает страх в настоящем. Разум прояснился. Змея вспомнила сородичей – и тех, кто пережил такую ошибку, и тех, кто из-за нее погиб. Тела мертвых пожрали выжившие. Память о фатальных ошибках осталась, служа живым.

Она ясно представила пути, что ей оставались. Остаться в оболочке и позвать драконицу на помощь. Бесполезно. Тинталья слишком занята. Выбраться из оболочки и попросить, чтобы

драконица принесла ей еды, – тогда появятся силы заново выстроить кокон. Невозможно. Опять подступил страх. Теперь она отбросила его усилием воли.

Сисарква не собиралась умирать. Она проделала долгий путь, полный опасностей. Неужели чтобы теперь сдаться смерти? Нет. Она выживет, она восстанет весной драконом и вернет себе небо. Она снова будет летать. Как-нибудь.

Как?

Она жила, чтобы возродиться королевой драконов. Значит, надо потребовать то, что принадлежит королеве. Право спасения.

Собравшись с силами, Сисарква выкрикнула:

– Тинталья!

Жабры пересохли, горло было ободрано грубой глиной. Отчаянная просьба о помощи прозвучала почти шепотом. И теперь не осталось сил даже на то, чтобы выбраться из оболочки. Это верная смерть!

– Что случилось, красавица? Я чую твоё смятение. Чем тебе помочь?

Сисарква не могла повернуть голову, она лишь скосила глаза и увидела, кто к ней обращается. Старший. Он был слишком мал и юн, но интуиция ей подсказала: ошибки нет. Это не какой-то там человек, хотя и похож обликом.

Жабры были совсем сухими. Змеи могут подниматься из воды, могут даже при этом петь, но сейчас холодный сухой воздух убивал ее. Она с трудом вдохнула и ощутила запах. Без сомнения, Тинталья оставила отпечаток на этом Старшем. Он был весь во власти ее чар. Сисарква медленно закрыла и снова открыла глаза, но так и не смогла разглядеть его яснее. Она сохла слишком быстро.

– Я не могу... – только и сумела сказать она.

И почувствовала, как встревожился о ней Старший.

– Тинталья! – крикнул он. – Беда! Эта змея не может закрыть кокон. Что нам делать?

Голос драконицы долетел с другого края площадки:

– Возьми глины, да пожиже! Быстрее! Покрой ей голову и заделай отверстие. Запечатай ее, но только постарайся, чтобы первый слой был повлажнее.

Тинталья торопливо приблизилась к Сисаркве:

– Мужайся, сестричка! Не многие выходят из коконов королевами. Ты должна быть среди них.

Тут подбежали рабочие – одни тащили глину на носилках, другие – в ведрах. Сисарква вытянула шею и прикрыла глаза. Возле ее кокона юный Старший выкрикивал приказы:

– Быстрее! Не ждите Тинталья! У этой змеи пересыхают кожа и глаза. Лейте воду. Так! Еще! Еще ведро. Грузите носилки. Живо!

Обрушилась жидкая смесь, запечатывая кокон. Теперь начал действовать яд. Сисарква погружалась в состояние, которое пусть и не было сном, но дарило отдых. Благословенный, долгожданный отдых.

Она чувствовала, что Тинталья где-то рядом. На кокон легла теплая тяжелая заплатка, и Сисарква с благодарностью поняла, что драконица запечатала ее кокон. Насыщенные парами испарения заполнили кокон и впились ей в кожу. Здесь были и воспоминания Тинталья, и часть опыта только что пожранного змея. Сисарква слышала, как Тинталья дает указания рабочим.

– Вот тут ее оболочка слишком тонкая. И вон там. Принесите глины и положите ее сюда в несколько слоев. Завалите кокон ветками и листвой. Укройте от света и холода. Они слишком поздно окуклились. До вершины следующего лета на них не должен упасть солнечный свет, ибо я опасаясь, что к весне они еще не будут готовы. Когда закончите здесь, ступайте на восточный край, там еще один страждущий.

Сознание Сисарквы уже угасало, когда до ее слуха донесся звонкий голос Старшего:

– Мы вовремя ее запечатали? Она выживет? Вылупится?

– Не знаю, – мрачно ответила Тинталья. – Год на исходе, змеи стары и измождены, половина из них голодала. Кое-кто из первой волны уже умер в коконах. Прочие еще сражаются с рекой и порогами. Многие из них погибнут, так и не добравшись до берега. И это к лучшему – их тела послужат пищей оставшимся, дадут им шанс на выживание. А вот от умирающих в коконах мало пользы, только напрасные хлопоты и разочарование.

Тьма окутала Сисаркву. Возникло непонятное ощущение: то ли она промерзла до костей, то ли ей уютно и тепло. Все глубже проваливаясь в подобие сна, она чувствовала тяжелое молчание юного Старшего. Наконец тот заговорил, и до нее долетели не столько его слова, сколько мысли:

– Люди Дождевых чащоб будут рады заполучить останки. Они называют их диводревом и очень ценят...

– Нет!

Крик драконицы чуть не пробудил Сисаркву. Но истощенное тело не могло сопротивляться дремоте, и она снова стала погружаться в темноту. И в мир, что находится за границей снов, ее сопроводили слова Тинтальи:

– Нет, братец! Все драконье принадлежит только драконам. Весной те, кто выйдет из коконов, пожрут коконы и тела невышедших. Таков наш обычай, так мы сохраняем свои знания. Умершие укрепят силы живых.

Сисарква не знала, что суждено ей. Тьма объяла ее.

*Семнадцатый день месяца Надежды,
седьмой год от воцарения его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

Посылаю официальное прошение Совета торговцев Дождевых чащоб о справедливом и достойном возмещении дополнительных и неожиданных расходов, которые мы понесли, ухаживая за коконами змеев для драконицы Тинтальи. Совет требует немедленного ответа.

Эрек, мы очень пострадали от весеннего половодья. Драконьи коконы были сильно повреждены, а некоторые и вовсе смыло. Река перевернула небольшую баржу, и, боюсь, это была та самая, на которой я посылала тебе молодняк для пополнения стаи Удачного. Все они погибли. Я подожду, пока мои птицы не отложат побольше яиц, и пришлю тебе птенцов, как только они оперятся. Трехог уже не тот, что прежде, в нем столько татуированных лиц! Мой господин сказал, что мне не следует ставить даты от дня нашей Независимости, но я пренебрегла его указанием. Слухи подтвердятся, я уверена!

Детози

Глава 1

Речник

Весне уже полагалось вступить в свои права, однако все еще было чертовски холодно. Слишком холодно, чтобы спать на палубе, а не в каюте. Вчера вечером, когда он поддался чарам рома и мерцающих над лесом звезд, эта идея казалась ничего себе. И вроде было тепло, и насекомые стрекотали на деревьях, и ночные птицы перекликались, и летучие мыши металась над рекой. Ему нравилось лежать на палубе баркаса, смотреть по сторонам, на реку, на Дождевые чащобы и думать о своем месте в этом мире. Смоляной мерно покачивал его, и все было хорошо.

А вот наутро, когда одежда вымокла от росы и тело совершенно заоченело, мысль заночевать под открытым небом уже казалась приличествующей скорее двенадцатилетнему мальчишке, чем капитану тридцати лет от роду. Он медленно сел. В холодном утреннем воздухе от дыхания пошел пар. Дохнув перегаром вчерашнего рома, он проследил за облачком. Потом, ворча под нос, поднялся на ноги и огляделся. Ага, светает. В кронах прибрежных деревьев просыпались, перекликаясь, дневные птицы. Но до воды солнечные лучи едва доходили, с трудом пробиваясь через молодую листву и теряя по пути тепло. Когда солнце поднимется повыше, оно осветит открытую воду и заберется под деревья. Однако это случится не скоро.

Лефтрин потянулся, расправляя плечи. Рубашка неприятно холодила кожу. Ну, он это заслужил. Если бы на палубе заснул кто-то из его команды, капитан так бы ему и сказал. Однако все одиннадцать человек спали на узких койках, тянувшихся в несколько ярусов вдоль кормовой стены палубной надстройки. И только его койка в эту ночь осталась пуста. Неразумно.

В такую рань обычно никто не вставал. Огонь в печке на камбузе еще не разводили, так что не было ни кипятка для чая, ни горячих лепешек. А он уже проснулся, и ему захотелось прогуляться под деревьями. Странное желание так и свербело в нем. Вероятнее всего, его истоки – в забытых снах прошедшей ночи. Лефтрин попытался было выудить их из памяти, но оборванные концы в его мысленной хватке обратились нитями паутины и ускользнули. И все же нужно последовать навеянному снами желанию. Он никогда не оставался в проигрыше, повинаясь подобным побуждениям, а если, напротив, не обращал на них внимания, потом неизбежно об этом сожалел.

Лефтрин прошел через рубку мимо спящей команды и пробрался в свою каюту. Сменил палубные башмаки на береговые сапоги высотой по колено, из промасленной бычьей кожи. Они почти сносились – едкие воды реки Дождевых чащоб не щадили ни обуви, ни одежды, ни дерева, ни кожи. Но еще пару походов по берегу сапоги выдержат, да и его собственная шкура тоже. Он снял с крючка непромоканец, накинул на плечи и пошел обратно через кубрик. Остановившись у койки рулевого, пнул ее. Сварг дернулся, приоткрыл затуманенные глаза.

– Я пошел на берег размяться. Вернусь к завтраку.

– Понял, – буркнул Сварг.

Этим коротким словом – единственным, кстати говоря, возможным ответом на уведомление капитана – красноречие Сварга обычно и исчерпывалось.

Лефтрин хмыкнул и вышел из рубки.

Накануне вечером они вытащили баркас на топкий берег и привязали к большому склоненному дереву. Лефтрин прыгнул с тупого носа баркаса в грязь и камыши. Нарисованные на носу судна глаза смотрели в сумрак под деревьями. Десять дней назад из-за ливней и ветра река вышла из берегов. За последние двое суток вода спала, но прибрежная растительность еще не оправилась от наводнения. Камыши покрывал ил, трава полегла под тяжестью грязи.

Низкий берег был весь в лужах. Лефтрин шел вдоль него, и вода тут же заполняла оставленные им глубокие отпечатки.

Он не знал точно, куда и зачем идет. Просто следовал своему капризу, удаляясь от берега в чашу. Там следы наводнения были еще явственней. Среди стволов виднелись принесенные водой коряги. С ветвей свисали пряди водорослей и разорванные лианы. Слой ила лежал на траве и мхе. Гигантские деревья, составлявшие основу Дождевых чащоб, не пострадали от наводнений, чего нельзя было сказать о подлеске. Кое-где течение проложило себе дорогу, и листва молодых деревьев так отяжелела под грузом ила и грязи, что ветви согнулись до земли.

Лефтрин старался идти по этим тропам в подлеске. Самые топкие места обходил, проламываясь сквозь кусты. Он взмок и перемазался. Ветка, которую он попытался отвести в сторону, сорвалась и ударила по лицу, обрызгав грязью. Лефтрин сразу стер жгучую дрянь с кожи. Как у большинства речников, его лицо и руки были закалены водой реки Дождевых чащоб. От этого лицо загрубело, и задубевшая кожа странно контрастировала с серыми глазами. Лефтрин в глубине души был уверен, что именно поэтому у него на лице так мало всяких наростов и еще меньше чешуи, столь досаждавших его собратьям из Дождевых чащоб. Впрочем, это все равно не делало его ни красавцем, ни даже просто привлекательным мужчиной – эта мысль заставила капитана печально усмехнуться. Он отогнал ее, отвел ветку от лица и пошел дальше.

Внезапно Лефтрин остановился. Смутное, неуловимое ощущение. Нечто витавшее в воздухе или на краю видимости и не поддающееся осмыслению подсказало, что он уже близко. Капитан стоял неподвижно, постепенно осматривая все вокруг. Взгляд зацепился за что-то, и черные волоски у него на шее встали дыбом, когда он разглядел находку. Вот оно! Всё в зелени пополам с грязью, занесенное илом, только местами проглядывает что-то серое. «Бревно» диводрева.

Не огромное, нет, даже не такое уж большое вопреки слухам. Всего в две трети его роста, а он человек невысокий. Но этого хватит. Вполне достаточно, чтобы разбогатеть.

Лефтрин оглянулся. Подлесок, из-за которого не было видно реку и баркас, укрывал и его от чужих глаз. Вряд ли кому-то из корабельной команды хватит любопытства, чтобы устроить слежку. Когда он ушел, все спали и наверняка спят до сих пор. Сокровище принадлежит только ему.

Капитан продрался через растительность и наконец дотронулся до «бревна». Мертвое. Он понял это еще до прикосновения. В детстве ему приходилось спускаться в чертог Коронованного Петуха. Он видел кокон Тинталы до того, как та вылупилась, и помнил ощущения от него. А в этом коконе дракон умер и уже не проклюнется. Не важно, погиб ли он, когда кокон еще был на полях оукливания, или его убило наводнение. Главное, что дракон мертв, диводрево можно забрать, а, кроме Лефтрина, никто не знает, где оно находится. И как удачно, что он из тех немногих, кому известно, как распорядиться находкой наилучшим образом.

Семья Хупрус сделала на диводреве свое немалое состояние. Братья его матери обрабатывали этот материал еще до того, как люди поняли, что он собой представляет. Юный Лефтрин бродил по низкому строению, где дядья пилили диводрево, которое было крепче железа. Едва Лефтрину исполнилось девять лет, отец решил, что он достаточно взрослый, чтобы ходить с ним на баркасе. И Лефтрин занялся честным ремеслом, постигая его с азав. Когда ему было двадцать два, отец умер, и Лефтрин унаследовал баркас. Почти всю жизнь он был речником. Но от родни со стороны матери ему достались инструменты для обработки диводрева и знания о том, как их использовать.

Лефтрин обошел кокон. Это было тяжело. Поток воды его забило между двумя деревьями. Один конец глубоко погрузился в грязь, другой выступал наружу и был весь в мусоре. Лефтрин поначалу хотел очистить и рассмотреть находку как следует, но потом решил оста-

вить все как есть. Он добежал до баркаса, украдкой вытащил бухту троса¹ из рундука и быстро вернулся к своей находке, чтобы обезопасить ее от случайностей. Работа была грязной, но он остался доволен тем, как справился с ней: даже если река снова поднимется, его сокровище останется на месте.

Возвращаясь на баркас, он почувствовал, что в сапоге хлюпает. Ногу засадило. Лефтрин ускорил шаг, мысленно ругаясь. На следующей стоянке придется купить сапоги. Парротон – новое и одно из самых маленьких поселений на реке Дождевых чашоб. Там все дорого и найти калсидийские сапоги из бычьей кожи непросто. Остается уповать на милость купца. Мгновение спустя капитан кисло усмехнулся. Вот он отыскал клад, который принесет ему больше, чем десяток лет работы на барже, и тут же мелочится, подсчитывая, сколько сможет выложить за новую пару сапог. А ведь как только он распилит свою находку и распродаст частями, о деньгах можно будет больше не беспокоиться.

Лефтрин задумался. Следовало решить, кому доверить свой секрет. Ему нужен был помощник – чтобы держать вторую ручку пилы и донести тяжелые части кокона до баркаса. Привлечь кузенов? Пожалуй. Кровь – не водица, даже если это густая мутная вода реки Дождевых чашоб.

Но сохраняют ли они тайну? Должны. Им придется соблюдать осторожность. Свежеобработанное диводрево не спутаешь ни с чем, у него особенный запах и серебристый блеск. Поначалу торговцы Дождевых чашоб ценили этот материал только за устойчивость к едкой речной воде. Баркас Лефтрина, «Смоляной», был одним из первых кораблей, обшивку которого делали из диводрева. В те времена корабельщики Дождевых чашоб и не подозревали, что у материала проявятся магические свойства. Находя «бревна» в обнаруженном ими древнем подземном городе, они просто использовали их как хорошо выдержанную древесину.

Подлинная сила диводрева открылась только тогда, когда из него стали строить большие корабли, которые могли плавать не только по реке, но и по соленым прибрежным водам. Их носовые изваяния поразили всех: спустя века после постройки кораблей они начали оживать. Это было чудо – деревянные скульптуры говорили и двигались. Сейчас живых кораблей не так уж и много, и их ревностно охраняют. Ни один из них никогда не продавали за пределы Союза торговцев. Только торговец из Удачного мог купить живой корабль, и только на живом корабле можно было без опаски плавать по реке Дождевых чашоб. Корпуса обычных судов быстро сдавались ее разъедающим что угодно водам. И никто лучше живых кораблей не мог защитить тайные города Дождевых чашоб и их обитателей.

Затем последовали другие открытия. Огромные бревна в чертоге Коронованного Петуха оказались на самом деле отнюдь не бревнами, а драконьими коконами. Люди Старшей расы, или, как их еще звали, Элдерлинги, спрятали их там, чтобы защитить от извержения вулкана. Об истинном значении этого открытия говорить не любили. Драконица Тинталья вышла из кокона. А сколько коконов, хранивших в себе живых драконов, было распилено на доски для кораблей? Об этом никто не заикался. Даже живые корабли неохотно говорили о драконах, которыми они могли бы стать. И даже Тинталья предпочитала молчать. И все же Лефтрин подозревал, что, если известие о коконе, который он обнаружил, распространится, находку у него немедленно отберут. Рисковать нельзя – о его диводреве не должны узнать ни в Удачном, ни в Трехоге, и Са упаси, если слух дойдет до драконицы. Тайну нужно сохранить во что бы то ни стало.

Лефтрина раздражало, что сокровище, которое раньше можно было выставить на торги и продать подороже, теперь придется сбывать тайно. Впрочем, рынки сбыта все же остались, и неплохие. В Удачном всегда были те, кто тихо и без лишнего любопытства скупит товар, не

---

¹ Бухта троса – трос, сложенный кругами или восьмерками.

спрашивая о его происхождении. Так что торговец, готовый на незаконную сделку ради того, чтобы войти в милость к сатрапу Джемелии, обязательно найдется.

Но настоящие деньги могли дать только калсидийские купцы. Ненадежный мир между Удачным и Калсидой был заключен совсем недавно. Стороны подписали мелкие соглашения, а вот главные решения – о границах, торговле, пошлинах и праве на проход по реке все еще обсуждались. Ходили слухи, что здоровье правителя Калсиды пошатнулось. Калсидийские посланцы уже пытались купить проезд вверх по реке Дождевых чащоб. Их завернули, зная, какова их цель: они хотели купить части драконьих тел – кровь для эликсиров, плоть для омоложения, зубы для кинжалов, чешую для легкой и гибкой брони, детородные органы для мужской силы. Похоже, калсидийская знать прислушалась к легендам о целебной и магической силе драконьей плоти и теперь соревновалась в попытках добиться благосклонности своего герцога. Все они стремились достать ему лекарство от пожирающей его болезни. Откуда им было знать, что из последнего бревна диводрева Дождевых чащоб проклюнулась Тинталья. И что драконьих коконов, которые можно было бы распилить и переправить в Калсиду, больше не осталось. И замечательно. Сам Лефтрин разделял мнение большинства торговцев: чем скорее калсидийский герцог ляжет в могилу, тем лучше для торговли и вообще для всех людей на белом свете. При этом, мысля здраво, он полагал, что, пока это счастье не нагрянуло, из болезни старого забияки можно извлечь выгоду.

Итак, размышлял Лефтрин, если он выберет этот путь, нужно будет всего лишь найти способ доставить тяжеленное «бревно» в Калсиду в целостности и сохранности. Если внутри обнаружатся останки полупреображенного дракона, цена фантастически взлетит. Значит, нужно привезти этот кокон в Калсиду. И дело сделано. Легко сказать! Ведь только чтобы дотащить кокон до баркаса и погрузить, понадобятся шкивы и блоки. А дальше предстоит тайная доставка сокровища от устья реки на север, в калсидийские земли. Речной баркас для такого дела не годится. Но если Лефтрин сумеет все устроить и если его не ограбят и не убьют по дороге туда или обратно, то из этого путешествия он вернется богачом.

Лефтрин заковылял быстрее. Покалывание в сапоге перешло в жжение. Пара волдырей – это ерунда, а вот открытая рана быстро превратится в язву, и придется хромать несколько недель.

Выйдя из подлеска на более открытое место возле реки, он учуял запах дыма с камбуза и услышал голоса своей команды. Пахло лепешками и свежим кофе. Пора подняться на борт, не то начнут удивляться, чего ради капитану понадобилось гулять с утра пораньше. Кто-то заботливый спустил с носа веревочный трап. Сварг, наверное. Рулевой всегда думал на два хода дальше, чем остальная команда. На носу торчал Большой Эйдер – опершись на борт, курил свою утреннюю трубочку. Он кивнул капитану и выпустил колечко дыма в качестве приветствия. Если ему и было любопытно, куда и зачем ходил Лефтрин, он ничем этого не выдал.

Поднимаясь по трапу, Лефтрин все еще размышлял, как обратить диводрево в богатство. Но, встретившись взглядом с нарисованными глазами Смоляного, черными и блестящими, замер. У него родилась совершенно иная мысль. Оставить себе. Сохранить и использовать для себя и своего корабля. За несколько долгих мгновений, пока капитан стоял на трапе, перед его мысленным взором одна за другой, подобно разворачивающимся поутру лепесткам цветка, предстали удивительные возможности.

Лефтрин погладил борт своего баркаса:

– А я могу, старина. Могу так сделать.

Он поднялся на палубу, стянул протекающие сапоги и бросил их в реку – пусть дожирает.

*Пятнадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год правления его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,*

первый год Вольного союза торговцев

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

В запечатанном свитке – очень важное послание от трехогского Совета торговцев Дождевых чащоб Совету торговцев Удачного. Вам предлагают прислать избранного представителя по случаю выхода драконов Дождевых чащоб из коконов. По указанию высочайшей царственной драконицы Тинталы коконы будут вынесены на солнечный свет в пятнадцатый день месяца Возрождения, через сорок пять дней. Совет торговцев Дождевых чащоб ожидает вашего присутствия при появлении на свет драконов.

Эрек! Почисти свой птичник и заново побели известью стены клеток. Последние две птицы, прибывшие ко мне от тебя, были вишвыми и занесли мне паразитов в одну клетку.

Детози

Глава 2

Драконы выходят из коконов

Тимаре посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте.

«Вот уж удача подвалила!» – думала она, забираясь на нижнюю ветку дерева на краю змеиного берега.

Обычно она не ходила с отцом на нижние ярусы Трехога и уж тем более ни разу не бывала в Кассарике. А вот теперь она здесь, да еще в тот самый день, который Тинталья назначила, чтобы открыть драконьи коконы. Тимара посмотрела на отца, тот ей улыбнулся. Нет, вдруг поняла она, это не просто удача. Отец знал, как ей здесь понравится, и нарочно придумал взять ее сюда. Она улыбнулась ему в ответ со всей уверенностью одиннадцатилетней девчонки и снова стала смотреть на берег. Отец по-птичьи примостился на ветке потолще, у самого ствола того же гигантского дерева.

– Осторожнее, Тимара, – предупредил он. – Они вот-вот вылупятся. И будут голодны. Если упадешь, могут принять тебя за очередной кусок мяса.

Девочка, тоненькая и жилистая, поглубже вонзила черные когти в кору. Она понимала: отец лишь отчасти поддразнивает ее, на самом же деле он серьезен.

– Не бойся, пап, – сказала она. – Я ведь рождена, чтобы жить на деревьях. Не упаду.

Она лежала ничком на хрупкой ветке, которой ни один другой древолаз не рискнул бы довериться. Но Тимара знала: ветка выдержит. Девочка прижималась к коре животом, словно одна из тощих древесных ящериц, устроившихся поблизости. И подобно им, Тимара перемещалась по ветке, вытянувшись во весь рост, цепляясь пальцами рук и ног за широкие трещины в коре и крепко обнимая конечность дерева, служившую ей опорой.

Дерево, на котором она примостилась, было одним из тысяч и тысяч деревьев Дождевых чащоб. На многие дни пути простирались чащобы по обе стороны широкой серой Дождевой реки. В окрестностях Кассарика, как и на землях, протянувшихся на несколько дней пути вверх по течению реки, господствовали крепость-деревья. Ветви у них были широкие и росли горизонтально – как нельзя удобно для того, чтобы строить на них дома. Когда крепость-дерево вырастало достаточно большим, оно отпускало висячие корни, которые тянулись с нижних веток к земле, зарывались в нее и со временем грубели, так что каждый ствол оказывался окружен надежным крепостным частоколом, придававшим ему устойчивости. Вокруг Кассарика лес рос куда гуще, чем в Трехоге, а ветви крепость-деревьев тут были гораздо шире, чем привыкла Тимара, так что лазить по ним оказалось до смешного легко. Сегодня девочка забралась на самый дальний, лишенный опор-корней отросток ветки, откуда ничто не заслоняло ей вид и она могла без помех любоваться представлением.

Впереди, за грязевой равниной, открывался вид на молочно-белую реку. В туманной дымке на другом берегу раскинулся густой лес. Лето окрасило его во множество оттенков зелени. Шум этой реки, перекатывающей гальку, сопровождал Тимару всю жизнь. Ближе к берегу было мелко, и между потоками воды виднелись полосы гальки и глины, переходящие в вязкую отмель прямо под деревом, на котором сидела девочка. Прошлой зимой эту часть берега спешно укрепили бревенчатыми перемычками. Они пострадали от наводнения, но бо́льшая часть бревен осталась на месте.

Берег был усеян похожими на плавник змеиными коконами. Некогда здесь росли жесткая трава и колючий кустарник, но их уничтожили морские змеи, приплывшие зимой. Тимара не видела, как они появились, но много слышала об этом. В городах Дождевых чащоб не было ни одного человека, который не знал бы этой истории. Целая стая – клубок из сотни гигантских змей – поднялась по реке в сопровождении живого корабля и великолепного серебристо-синего

дракона. Юный Старший Сельден Вестрит встретил змей на этом самом месте и поздравил с возвращением на родину. Он руководил теми жителями Дождевых чащоб, которые вызвались помочь змеям оуклиться. Почти всю зиму он провел в Кассарике, приглядывая за коконами со спящими в них змеями. Кокон укрывали листвой и илом, чтобы уберечь от холода, дождей и даже солнечного света. Тимара слышала, что сегодня Старший снова здесь – вернулся, чтобы не пропустить пробуждение.

До сих пор девочке, к ее досаде, не удалось увидеть Сельдена. Скорее всего, он был где-то в центре площадки, на помосте, устроенном для членов Совета Дождевых чащоб и прочих важных персон. Толпа вокруг помоста пестрела плащами торговцев, а люд попроще расселся на деревьях, словно стая перелетных птиц. Тимара была довольна, что отец привел ее именно сюда, на дальний край: пускай здесь куда меньше коконов, но и людей, которые бы заслоняли обзор, намного меньше. Впрочем, и поближе к помосту сидеть было бы неплохо – слушать музыку, разговоры и смотреть на настоящего Старшего.

От одной мысли о нем Тимара преисполнилась гордости. Сельден Вестрит был родом из Удачного и, как и она сама, из семьи торговца. Но драконица Тинталья коснулась его, и он стал превращаться в Старшего – первого на памяти нынешнего поколения людей. А сейчас, кроме него, есть еще двое Старших – сестра Сельдена Малта и Рэйн Хупрус, уроженец Дождевых чащоб. Тимара вздохнула. Словно сказка становится явью. Морские змеи, драконы и Старшие вернулись на Проклятые Берега. И она своими глазами увидит, как вылупятся молодые драконы. Сегодня после полудня они покинут коконы и взлетят в небо.

Весь речной берег, куда ни глянь, был усеян серыми коконами, и каждый из них заключал в себе змея. Кокон очистили от листвы, веток и ила, под покровом которых они пролежали всю зиму и весну. Некоторые коконы были огромны, как речные баржи, другие – поменьше, размером с бревно. Одни блестели масляно и серебристо, другие съжились или просели и были просто серыми, и Тимара, с ее тонким нюхом, ощущала исходящий от них смрад мертвых рептилий. Змеи из этих коконов уже никогда не станут драконами.

Торговцы Дождевых чащоб под началом Сельдена, выполняя обещания, которые они дали Тинталье, сделали все возможное для оуклившихся змеев. Если кокон казался им слишком тонким, его обмазывали дополнительными слоями глины. Все коконы тщательно укрывали листвой и ветками – как требовала Тинталья: не только от зимних бурь, но и от весеннего солнца. Змеи оуклились слишком поздно, а свет и тепло заставили бы их проклянуться раньше срока, поэтому Тинталья хотела, чтобы коконы лежали под покровом до середины лета: драконам следовало дать больше времени. Стражи из Дождевых чащоб и татуированные – бывшие джамелийские рабы – старались изо всех сил. Таковы были условия сделки торговцев Дождевых чащоб с драконицей Тинтальей. Она согласилась оберегать устье реки от вторжений калсидийцев, взамен торговцы пообещали помочь змеям добраться до их древнего места оукливания и заботиться о коконах, пока змеи преобразуются в них. Обе стороны сдержали обещание. Сегодня все увидят результаты этой сделки – новое поколение драконов, союзников Удачного и Дождевых чащоб, впервые расправит крылья и взлетит к небесам.

Зима безжалостно обошлась с коконами. Ураганные ветры и ливни оставили на них свои отметины. Хуже всего было то, что вздувшаяся от дождей и затопившая площадку река разбросала коконы, смыла с них глину и многие повредила. Когда вода схлынула, люди недосчитались двадцати коконов. Из семидесяти девяти осталось только пятьдесят девять, и некоторые были так повреждены, что вряд ли их обитатели выжили. Наводнения в Дождевых чащобах были обычным делом, но сейчас Тимара горевала. Что стало с теми пропавшими коконами и драконами в них? Поглотила ли их река? Унесла ли в соленое море?

В этом лесу царила река – широкая, прихотливо менявшая глубину и течение, не имевшая настоящих берегов. В мире, известном Тимаре, не было суши – даже слова такого не существовало. То, что сегодня можно было счесть лесной почвой, завтра становилось топью или

заводью. Одни лишь гигантские деревья казались неподвластными переменчивой реке, но и им нельзя было доверять безоглядно. Жители Дождевых чащоб строили жилища только на самых больших и устойчивых деревьях, их дома и дороги, подобно прочным гирляндам, украшали средний ярус ветвей и стволов. Подвесные мосты тянулись от дерева к дереву, и ближе к земле, на развилках ветвей потолще, находились самые крупные рынки и дома самых богатых семейств. Чем выше, тем легче становились строения, соседние дома соединяли мосты из лиан и веревок, гигантские стволы обвивали лестницы. Чем дальше в крону, тем эфемерней выглядели мосты и лестницы. Все жители Дождевых чащоб должны были быть немного древолазами, чтобы передвигаться по своим селениям. Но не многие могли сравниться в этом умении с Тимарой.

Тимара ничуть не боялась упасть со своего ненадежного насеста. Она целиком обратилась в зрение, не отрывая серебристо-серых глаз от чуда, творящегося внизу.

Солнце поднялось выше, его лучи осветили верхние ветки деревьев и коконы на берегу. День был не слишком жаркий для летней поры, но некоторые коконы, согревшись, уже начали испускать пар. Тимара сосредоточила внимание на большом коконе прямо под ней. Над ним тоже появился пар, запахло рептилией. Тимара сузила ноздри и с восторгом уставилась на кокон. Это бревно диводрева теряло твердость.

Тимара знала, что такое диводрево и что раньше его было принято использовать как особо прочную древесину. Оно было куда крепче самого крепкого из деревьев – об него всего лишь за утро можно было затупить топор или пилу. Но сейчас серебристо-серое «дерево» драконьего кокона внизу размягчилось, задымилось и пошло пузырями, оседая на нечто неподвижное внутри.

Тот, кто был в коконе, изогнулся и затрепыхался. Диводрево разорвалось, как пленка. Скелетообразное создание поглощало растекающийся кокон. Тимара видела, как тощая плоть дракона наливаются и сквозь нее проступает цвет. Дракон был куда меньше, чем можно было бы ожидать, судя по размерам кокона и слухам о Тинталье. Облачко пахучего пара рассеялось, и из оседающего кокона показалась тупоногая драконья голова.

Свободен!

У Тимары закружилась голова, когда ее разума коснулась драконья речь. Сердце забило, как у птицы, взмывшей в небеса. Она способна понимать драконов! Когда появилась Тинталья, стало ясно, что одним людям доступна драконья речь, а другие слышат лишь рычание, свист и угрожающее шипение. Когда Тинталья впервые показалась в Трехоге и заговорила с толпой, лишь некоторые поняли ее, остальные же ничего не разобрали.

Тимаре было приятно осознавать, что, если дракон снизойдет до разговора с ней, она его поймет. Девочка свесилась с ветки еще ниже.

– Тимара! – предостерегающе крикнул отец.

– Я осторожно! – ответила она, даже не взглянув на него.

Внизу молодой дракон разевал красную пасть и рвал в клочья удерживающий его кокон. Это была самка. Тимара не смогла бы объяснить, откуда ей это стало известно. У новорожденного создания были внушительного размера зубы. Оно оторвало кусок обмякшего диводрева, запрокинуло голову и сглотнуло.

– Она ест диводрево! – крикнула Тимара отцу.

– Да, я слышал об этом, – ответил он. – Сельден Старший сказал, что он видел рождение Тинтальи. Ее кокон тоже растекался по шкуре. Я думаю, это придает им сил.

Тимара не ответила. Отец, очевидно, был прав. Казалось невероятным, что оболочка, заключавшая в себе дракона, уместится теперь в его брюхе, но существо внизу, похоже, было намерено сожрать ее всю. Драконица высвобождалась из кокона, проедая себе путь наружу, отгрызая волокнистые куски и глотая их целиком. Тимара сочувственно морщилась. Ужасно,

наверное, чувствовать такой голод, едва появившись на свет. Благодарение Са, что у драконицы есть чем его утолить.

Над толпой зрителей пронесся общий вздох, и ветка Тимары закачалась на ветру так, что девочка едва успела вцепиться в нее. И тут же послышался звук тяжелого удара, отдавшийся по всему дереву, – это приземлилась Тинталья.

Драконья королева под лучами солнца переливалась лазурью и серебром. Она была втрое крупнее проклевывающихся драконов. Тинталья сложила крылья, как корабль убирает паруса: аккуратно прижала их к телу и скрестила по-птичьи на спине. Затем разжала пасть и бросила на землю оленя. «Ешьте», – велела она молодым драконам. Не останавливаясь и не глядя на них, Тинталья двинулась к реке и стала пить молочно-белую воду. Напившись, драконица подняла огромную голову и расправила крылья. Мощные задние лапы напряглись, она подпрыгнула. Крылья тяжело забили по воздуху, Тинталья медленно оторвалась от земли и полетела вверх по реке, охотиться дальше.

– Ох ты, бедолага! – В низком голосе отца слышалось сочувствие.

Драконица под Тимарой еще отрывала куски от своей оболочки и пожирала их. Серый обрывок пелены прилип к морде. Рептилия смахнула его когтями корявой передней лапы. Тимара подумала, что дракончик похож на ребенка, перемазавшегося овсянкой. Детеныш оказался меньше, чем она ожидала, но ведь он еще вырастет. Тимара посмотрела на отца и проследила за его взглядом.

Пока она наблюдала за ближайшим драконом, другие уже повыбирались из своих коконов. Теперь их манил запах крови убитого оленя. Два дракона, один тускло-желтый, другой болотно-зеленый, топтались возле туши. Они не дрались, они были слишком заняты едой. Драка, наверное, начнется из-за последнего куска, решила Тимара. Пока же оба вгрызались в оленя – передними лапами прижимали тушу, зубами рвали шкуру, выдирали куски мяса и глотали, запрокидывая голову. Один рвал мягкое брюхо, из желтой пасти свисали внутренности. Сцена дикая, но не страшнее, чем трапеза любого другого хищника.

Тимара снова поглядела на отца и на этот раз поняла, куда он смотрит. Насыщающиеся драконы над полуобъеденной тушей загораживали ей обзор. Отец смотрел на молодого дракона, который не мог встать. Он барахтался на земле и полз на брюхе. Его задние лапы напоминали какие-то обрубки. Голова моталась на тонкой шее. Внезапно он содрогнулся, вскинулся и закачался. Даже цвет у него был неправильный – серый, как глина, а шкура такая тонкая, что под ней виднелись белые внутренности.

Этот недоразвитый дракон был обречен – он вылупился слишком рано. Но все равно полз к еде. Тимара увидела, как он с силой оттолкнулся уродливой задней лапой и рухнул на бок. По глупости – или, скорее, в тщетной попытке подняться – существо расправило нелепые крылья и тут же завалилось на одно из них. Крыло согнулось не в ту сторону, послышался треск. В голове Тимары ярко и сильно плеснуло болью – крик, который издало это создание, был куда слабее. Тимара дернулась и чуть не отпустила ветку. Вцепившись покрепче, она закрыла глаза, борясь с накатившей тошнотой.

Постепенно до Тимары дошло, что именно этого и боялась Тинталья. Драконица требовала укрыть коконы от света, надеясь обеспечить окуклившимся нормальную спячку. И хотя со сроком выхода из коконов тянули до самого лета, времени драконам все равно не хватило – или сказались их чрезмерная усталость и истощение во время окукливания. Они все были недоразвитыми. Они едва могли двигаться. Тимара ощущала смятение пополам с болью, которые испытывал юный дракон. С трудом ей удалось отгородиться от этого чувства.

Открыв глаза, она опять замерла от ужаса. Ее отец спустился с дерева и начал пробираться между оживающими коконами прямо к упавшему детенышу. А тот был уже мертв – Тимара вдруг поняла, что не видит этого, а ощущает. Но отец-то этого не понимал. На его лице

читалась тревога за дракона. Тимара знала своего отца. Он всегда готов прийти на помощь. Такой он человек.

То, что существо мертво, ощутила не одна Тимара. Два новорожденных дракона оставили от оленя лишь кровавые ошметки, втопанные в глинистую землю, подняли головы и повернулись к упавшему. Только что вылупившийся красный дракон со слишком коротким хвостом тоже направился к нему. Желтый зашипел и двинулся быстрее. Зеленый широко раскрыл пасть и издал звук – не рев и не шипение. Вместе со звуком из пасти ему под лапы полетели капли слюны. Он нацелился на отца! Благодарение Са, это создание было слишком юным и не могло испустить облако обжигающего яда. А взрослые драконы могли. Тимара слышала, что Тингалья, сражаясь за Удачный, брызгала ядом на калсидийцев. Он прожигал и плоть, и кости.

Хоть зеленый дракон и не смог навредить отцу своим дыханием, его нападение привлекло к человеку внимание короткохвостого красного. Желтый и зеленый драконы подступили к мертвому и угрожающе рычали друг на друга над его телом, а красный стал подкрадываться к отцу.

Ну когда же отец поймет: этот новорожденный дракон мертв и помочь ему нельзя? Ведь он сто, нет, тысячу раз советовал Тимаре быть поосторожнее там, где водятся хищники. «Если у тебя есть мясо, а на него нацелился древесный кот, брось мясо и беги. Мяса можно добыть еще, а другой жизни взять неоткуда», – поучал ее отец. Поэтому он должен вернуться, увидев, как к нему подкрадывается красный.

Но он не смотрел на красного. Его взгляд был прикован к упавшему, и когда желтый и зеленый драконы прикоснулись к неподвижному телу, отец закричал:

– Нет! Оставьте его, дайте ему шанс!

Он замахал руками, будто отгоняя стервятников от добычи, и побежал к упавшему.

«Зачем?» – хотела крикнуть Тимара.

Эти только что вылупившиеся драконы были крупнее отца. Они, может, и не умели изрыгать пламя, но уже знали, зачем им зубы и когти.

– Папа! Нет! Он мертвый, он уже умер! Папа, беги оттуда!

Он услышал. Остановился и оглянулся.

– Пап, он мертвый, ему уже не помочь! Уходи оттуда! Налево, налево! Папа, там красный!

Желтый и зеленый занялись своим мертвым собратом. Они рвали его на части точно так же, как до этого оленью тушу. Сил у них прибавилось, так что они были не прочь подраться за лучшие куски. На человека драконы уже не обращали внимания. Теперь Тимару больше всего волновал красный, который неровно, но быстро приближался к ее отцу. Тот наконец заметил опасность. И сделал то, чего Тимара опасалась, – с древесными котами этот трюк часто срабатывал. Отец расстегнул рубашку и распахнул полы пошире. «Когда тебе кто-то угрожает, старайся казаться больше, – часто говорил он ей. – Притворись чем-нибудь необычным, и животное станет осторожнее. Прикинься больше размером, и оно может отступить. Но никогда не беги. Смотри внимательно, кажись больше и медленно отступай. Коты любят догонялки. Не играй с ними в эту игру».

Но перед ним был не кот, а дракон. С широко раскрытой алой пастью и острыми белыми зубами. Голодный. И хотя отец теперь казался крупнее, дракон не испугался. Тимара почувствовала его радостный интерес.

Мясо. Большой кусок. Еда!

Голод гнал дракона, заставляя ковылять за отступающим человеком.

– Это не мясо! – закричала Тимара. – Не еда! Папа, беги! Беги!

Два чуда случились одновременно. Молодой дракон услышал ее. Озадаченно повернул к ней свою тупоносую голову, потерял равновесие и по-дурацки затоптался по кругу. Тимара поняла, что так смущало ее в его облике. Дракон был уродом – одна задняя лапа оказалась намного короче другой.

Не еда? – донеслось до Тимары. – *Не еда? Не мясо?*

Ей стало жаль красного. Не мясо. Только голод. На мгновение девочка и дракон стали одним целым, и Тимара ощутила и пустоту в его желудке, и его разочарование.

Второе чудо разорвало эту связь. Ее услышал и отец. Он опустил руки, развернулся и бросился бежать обратно к деревьям. Тимара видела, как отец уклонился от маленького синего дракона, который клацнул зубами ему вслед, добежал до дерева и взобрался на него с ловкостью, отшлифованной годами. Теперь он был в безопасности, драконы не могли добраться досюда – хотя синий с надеждой потопал следом и теперь стоял под деревом, сопел и нюхал ствол. Потом даже попробовал укусить дерево и отпрянул, мотая головой.

Это не еда! – решил он и поковылял прочь.

Из бревен диводрева выходило все больше драконов. Тимара не следила, куда пошел этот синий. Она встала на своей ветке и побежала к стволу. Встретив отца, девочка схватила его за руку и уткнулась ему в плечо. От него пахло страхом.

– Пап, ты о чем думал? – спросила она и сама испугалась гнева, прозвучавшего в голосе. И тут же поняла, что имеет на это право. – Если бы я так сделала, ты бы разозлился! Зачем ты туда спустился, чем ты мог ему помочь?

– Лезем выше, – выдохнул отец.

И Тимара полезла за ним вверх. Там была хорошая ветвь, толстая и почти горизонтальная. Они сели на ней бок о бок. Отец все еще не мог отдышаться – то ли от пережитого страха, то ли от бега, то ли от того и другого. Тимара вытащила из своего ранца фляжку с водой и протянула ему. Он с благодарностью взял и стал пить.

– Они могли убить тебя.

Отец оторвался от горлышка, закрыл фляжку и вернул ей.

– Они же еще детки. Неуклюжие детки. Я ведь убежал.

– Они не дети! Они не были детьми, когда закрывались в свои коконы, а теперь и вовсе драконы. Тинталья могла летать уже через несколько часов после того, как вылупилась. Летать и убивать!

В листе блеснуло серебро с голубым. Дракон нырнул вниз, и зелень разметало в стороны. Ветер, поднятый крыльями, достиг дерева и сидевших на нем жителей чащоб. Из драконьих когтей выпала еще одна оленья туша, глухо шлепнулась о глину – и тут же крылья снова взметнулись. Тинталья продолжала охоту. Поскуливающие птенцы сразу же направились к добыче. Они набросились на еду, отрывая куски мяса и глотая их.

– Они бы и с тобой обошлись как с этим оленем, – сказала Тимара. – Может, они и кажутся неуклюжими детенышами, но они хищники. Такие же умные, как мы. Только больше и убивают лучше.

Все очарование вылупившихся драконов исчезло. Восхищение сменилось смесью страха и отвращения. Один из них чуть не убил ее отца.

– Не все, – грустно заметил отец. – Посмотри вниз, Тимара, и скажи, что видишь.

С нового места ей лучше было видно площадку. Тимара подсчитала, что примерно из четверти коконов драконы никогда не вылупятся. Те, которые вылупились, уже вынюхивали бедолаг. И вот один красный зашипел на мертвый кокон. Мгновение спустя кокон задымился, испуская тонкие туманные струйки. Красный вонзил зубы в диводрево и оторвал длинную полосу. Тимара удивилась. Диводрево было очень твердым. Из него строили корабли. Но сейчас оно словно бы разлагалось на длинные волокнистые полосы, которые юные драконы отрывали и жадно поедали.

– Они убивают своих сородичей, – ответила Тимара, думая, что отец имел в виду именно это.

– Сомневаюсь. По-моему, драконы в этих коконах уже умерли. И другие драконы это знают. Наверное, нюхом чувствуют. А что-то в их слюне, видно, размягчает кокон, и он становится

съемным. От этого же кокон лопаются, когда они проклевываются. А может, дело в солнечном свете. Нет, что-то я заговариваюсь...

Тимара снова посмотрела вниз. Драконы, спотыкаясь, бродили по глинистому берегу. Некоторые рискнули спуститься к воде. Другие собирались вокруг осевших коконов с невылупившимися драконами, рвали их и ели. От оленя, принесенного Тинтальей, и мертвого дракона остались лишь кровавые ошметки. Дракон с толстыми передними лапами обнюхивал песок в том месте, где лежали туши.

– Он урод. Почему среди них так много уродцев?

– Наверное... – начал отец.

Но тут сверху прыгнул Рогон, с которым отец иногда охотился. Он хмурился.

– Джеруп! Так ты цел! Где была твоя голова? Я увидел тебя внизу, а эта тварь приближалась к тебе. А потом было не разглядеть, успел ты добежать до ствола или нет! Что ты пытался там сделать?

Отец посмотрел на приятеля с полуулыбкой, за которой угадывалось, что он рассержен:

– Я подумал, что могу защитить того, на которого напали. Я не понял, что он уже мертв.

Рогон покачал головой:

– А даже если он был еще жив, дело бессмысленное. Каждому дураку понятно, что этот дракон не жилец. Посмотри на них! Наверняка половина умрет сегодня же. Я слышал, так говорил этот парень, Старший. Я сидел прямо над помостом, они там не знают, что делать. Сельден Вестрит явно раздосадован. Смотрит и не говорит ни слова. И музыка не играет, готов поспорить. Половина этих важных гостей мнут свитки с речами, которые они не будут произносить. Никогда не видел столько шишек, не знающих, что сказать. Ведь сегодня должен был быть праздник: драконы взлетают в небеса, соглашение с Тинтальей исполнено. А вместо этого – полный провал.

– Кто-нибудь знает, в чем причина? – словно нехотя спросил отец.

Приятель пожал широкими плечами:

– Вроде как они провели в коконах слишком мало времени и им не хватает слюны, чтобы выбраться. Увечные лапы, кривые спины. Смотри, вон тот даже не может голову поднять. Чем скорее другие прикончат его и съедят, тем лучше для него же.

– Они его не убьют, – уверенно ответил отец.

«Откуда он знает?» – удивилась Тимара.

– Драконы не убивают друг друга, разве что в брачных битвах. Сородичи съедают дракона только тогда, когда тот умирает. Но они не убивают друг друга себе в пищу.

Рогон сел на ветку рядом с отцом и лениво болтал голыми мозолистыми ногами.

– Ну, из любой неприятности хоть кому-то да бывает выгода. Вот о чем я хотел с тобой поговорить. Видел, как быстро они сожрали того оленя? – Рогон фыркнул. – Сами они охотиться явно не способны. И даже Тинталья не прокормит их. Так что, дружище, я вижу возможность заработать. Еще до вечера Совет сообразит, что кто-то должен кормить этих зверей. Нельзя же оставить стаю голодных дракончиков резвиться у самого города, особенно когда команды с раскопок все время ходят туда-сюда. И тут появляемся мы. Если уговорим Совет Дождевых чащоб нанять нас, чтобы добывать пищу драконам, у нас будет много работы. Всех их, конечно, не прокормить даже с помощью драконицы, но уж за то, что сумеем, нам должны неплохо заплатить. Какое-то время дела будут идти хорошо. – Рогон покачал головой и усмехнулся. – Не хочу и думать о том, что случится, когда еда для них кончится. Если они не едят друг друга, то, боюсь, их жертвой станем мы. Эти драконы – дурная сделка.

– Но мы же заключили договор с Тинтальей, – заговорила Тимара. – А слово торговца крепко. Мы сказали, что поможем Тинталье заботиться о них, если она отгонит корабли калсидийцев от наших берегов. И она это сделала.

Рогон не ответил. Как всегда. Он не обращался с ней плохо, как другие, но и никогда не смотрел на нее и не отвечал ей. Тимара к этому привыкла. Дело было не в ней лично. Она отвернулась от мужчин и вдруг заметила, что точит когти о дерево. У ее отца на руках и ногах черные когти. У Рогона тоже. А у нее когти как у ящерицы. Разница часто казалась ей совсем небольшой. Такое крохотное отличие – но от него зависят жизнь и смерть.

– Моя дочь права, – сказал отец. – Совет согласился на эту сделку, теперь у них нет выбора, они должны выполнять ее условия.

– Они думали, что помощь драконам закончится, когда те вылупятся. А вышло совсем не так.

Тимара едва удержалась, чтобы не поежиться. Она ненавидела, когда отец заставлял своих товарищей замечать ее. Было бы лучше, если бы он позволял им не обращать на нее внимания. Потому что тогда она могла бы отвечать тем же. Девочка отвернулась и постаралась не прислушиваться к разговору – он пошел о том, как трудно будет добыть достаточно мяса, чтобы прокормить столько драконов, и что никак нельзя оставлять хищников без присмотра у самого города. Если жители Дождевых чащоб хотят раскопать сокровища Старших в болотах под Кассариком, им придется найти способ прокормить этих драконов.

Тимара зевнула. Политика ее не занимала. Отец говорил ей, что она должна быть в курсе дел торговцев, но заставлять себя интересоваться тем, что тебя не касается, трудно. Ее жизнь текла отдельно от всего этого. Что до будущего, то Тимара знала: она может полагаться только на себя.

Девочка посмотрела вниз на драконов. Ее сразу затошнило. Отец был прав. И Рогон тоже. Там, внизу, умирали только что вылупившиеся. Другие не убивали их, хотя и не медлили, окружая умирающих и дожидаясь их последнего вздоха. Так много драконов оказались нежизнеспособными. Почему? Из-за того, о чем говорил Рогон?

Снова вернулась Тинталья. Вниз полетела еще одна туша, едва не задев молодых драконов. Тимара не поняла, что это за животное. Оно было крупнее оленя, с округлым телом, покрытым жесткой шерстью. Мелькнула толстая нога с раздвоенным копытом, и тут же драконы заслонили добычу. Это точно не олень, подумала Тимара, хотя оленей ей приходилось видеть не так уж часто. Топкие кочки не очень-то подходят для оленей. Чтобы добраться до подножия холмов, окаймляющих речную долину, нужно идти много дней. Так далеко от дома заходят только дураки. Эти горе-охотники съедают все припасы по дороге туда, а на обратном пути им приходится питаться своей добычей. Так что в конце концов либо добыча наполовину протухает, либо ее остается столько, что уж лучше добыть всего лишь дюжину птиц или жирную земляную ящерицу, но поближе к дому. У той твари, которую принесла Тинталья, была блестящая черная шкура, мясистый загривок и широко расставленные рога. Интересно, что это за животное, подумала Тимара и ощутила мимолетное касание драконьих мыслей: «Еда!»

Гневный голос Рогона заставил ее снова прислушаться к разговору мужчин.

– Послушай, Джеруп: если за год эти твари не встанут на ноги и не научатся летать и самостоятельно охотиться, они или сдохнут, или станут угрозой для людей. Сделка не сделка, а мы за них не отвечаем. Всякий, кто не может себя прокормить, жизни не заслуживает.

– Нет, Рогон, не такую сделку мы заключили с Тинтальей. Мы не приобрели права решать, жить этим созданиям или умереть. Мы обещали охранять их, если Тинталья будет защищать устье реки от калсидийских кораблей. И я считаю, что с нашей стороны будет умнее сдержать свое слово и дать этим детишкам шанс вырасти и выжить.

Рогон поджал губы.

– Шанс... Ты чересчур заботишься о том, чтобы дать кому-нибудь шанс, Джеруп. Однажды это тебя угробит. Да вот хотя бы сегодня! Что, та тварь думала о том, чтобы дать тебе шанс на жизнь? Нет. Я уж молчу о том, что ты получил одиннадцать лет назад! Когда тоже дал шанс выжить!

– Вот и молчи, – отрывисто сказал отец.

По тону было понятно, что он вовсе не собирается признавать правоту Рогона.

Тимара ссутулилась. Ей хотелось сжаться или стать одного цвета с корой дерева, как это умеют некоторые древесные ящерицы. Рогон говорил о ней. И говорил громко, потому что хотел, чтобы она слышала. Ей не стоило с ним заговаривать, а отцу не надо было заставлять Рогона признать ее присутствие. Маскироваться всегда лучше, чем драться.

Она знала, что Рогон – друг ее отца, хотя и говорит о ней резко. Они выросли вместе, вместе учились охотиться и лазить по деревьям, были друзьями и компаньонами большую часть жизни. Она видела их на охоте, видела, как согласованно, словно пальцы одной руки, они двигаются, подкрадываясь к дичи. Как курят и смеются. Когда Рогон повредил руку и не мог ни охотиться, ни убрать урожай, ее отец кормил обе семьи. Тимара помогала ему, хотя никогда не ходила отдавать долю добычи. Какой смысл было тыкать Рогона носом в то, что он принимает помощь от существа, которому, по его мнению, не следовало даже родиться?

Вот и сейчас, движимый дружескими чувствами, Рогон примчался, чтобы убедиться в добром здравии ее отца, и разозлился из-за того, что отец рисковал жизнью. И по той же самой дружбе Рогон хотел, чтобы Тимары не было на свете. Он не мог спокойно смотреть, во что превратилась жизнь товарища из-за нее. Тимара была обузой, лишним ртом, и никакой пользы от нее не предвиделось.

– Я не жалею о своем решении, Рогон. Я его принял, а не Тимара. Так что, если хочешь кого-то винить, вини меня, а не ее. Смотри мимо меня, не мимо нее! Это я пошел за повитухой, спустился, подобрал своего ребенка и принес домой. Потому что с того мгновения, как я посмотрел на нее, только что родившуюся, я знал, что она имеет право на свой шанс. И меня не заботит, что у нее когти и полоса чешуи вдоль хребта. Мне все равно, какой длины ее ступни. Я знал, что она заслужила шанс. И я был прав, разве нет? Посмотри на нее. С тех пор как она подросла и смогла ходить со мной по ветвям, она доказала свою полезность. Тимара приносит домой больше, чем ест, Рогон. Не в этом ли польза от охотника и собирателя? И что с того, что тебе неловко на нее смотреть? Или тебе неловко, что я нарушил дурацкие правила и не дал выбросить своего ребенка на съедение зверям? Или ты смотришь на нее и убеждаешься, что правила плохи? И подсчитываешь, сколько детей могло бы у нас вырасти?

– Я не хочу это обсуждать, – сказал Рогон.

Он встал так резко, что чуть не потерял равновесие. Что-то в словах отца задело его за живое. Рогон, кстати, был одним из лучших древолазов. Никто в этом еще не превзошел его. По спине Тимары вдруг пробежал холодок. У Рогона есть дети. Двое. Мальчики. Одному семнадцать, другому двенадцать. Неужели его жена ни разу не беременела за те пять лет, что прошли между рождением одного и другого? Или у нее были выкидыши? Или повитуха унесла сверток-другой у него из дома в темную чащу?

Тимара отвернулась и стала смотреть на берег. А вдруг отец неосторожными словами разрушит дружбу? Не надо об этом думать, решила она и уставилась на драконов. Их уже было меньше, а от коконов, из которых никто не проклюнулся, почти ничего не осталось. Многие зрители выглядели расстроенными. Диводрево – ценный материал, и кое-кто думал, что, когда драконы вылупятся, оболочки можно будет продать. Посмотреть на драконов пришли и такие, которых само зрелище не так уж и интересовало; прежде всего они рассчитывали на выгоду. Тимара пробовала сосчитать оставшихся драконов. Вначале было семьдесят девять бревен диводрева. Из скольких же вылупились жизнеспособные драконы? Но новорожденные все время беспорядочно сновали туда и сюда, а когда Тинталья принесла еще одного оленя, наступивший хаос свел все усилия Тимары на нет. Отец подсел к ней поближе. Девочка заговорила первой, как будто не слышала его разговора с Рогоном:

– Я насчитала тридцать пять.

– Тридцать два. Их легче считать по цвету – каждый отдельно, потом сложить.

– А-а...

Повисло молчание, затем отец заговорил снова, проникновенно и серьезно:

– Я сказал ему правду, Тимара. Таково было мое решение. И я ни разу о нем не пожалел.

Тимара промолчала. Что она могла сказать? «Спасибо»? Но это прозвучало бы неискренне. Приходилось ли когда-нибудь детям благодарить родителей за то, что те не убили их? Должна ли она говорить спасибо отцу за то, что он не позволил ее выбросить? Она почесала затылок, задев когтями чешую, и неловко сменила тему:

– Как ты думаешь, сколько из них выживет?

– Не знаю. Думаю, что очень многое будет зависеть от того, сколько еды принесет им Тинталья и выполним ли мы условия сделки с ней. Посмотри туда.

Самые сильные из юных драконов уже сгрудились у туши. Они не отталкивали своих более слабых собратьев, просто вокруг добычи уже не было места, и своего никто не уступал. Но отец показывал не туда. На краю площадки появились люди с корзинами. У многих на лицах виднелась татуировка. Раньше они были рабами, а с недавних пор поселились в Дождевых чащобах в надежде начать новую жизнь. Шедший первым выскочил вперед, опрокинул свою корзину и торопливо отбежал обратно. Серебристая куча еще бьющейся рыбы расплзлась по серой земле. Второй добавил свою ношу туда же. Затем третий.

Драконы, которым не хватило места около туши, это заметили. Все они постепенно развернулись, присмотрелись, а затем словно по команде оставили своих насыщающихся собратьев и побежали к пище, мотая клинообразными головами. Четвертый человек вскрикнул и бросил свою ношу. Корзина упала, рыба вывалилась. Человек не стал попусту геройствовать, а развернулся и во все лопатки побежал прочь. Еще трое бросили свои корзины там, где стояли, и тоже помчались наутек. Не успели они добежать до деревьев, как драконы уже набросились на рыбу. Тимаре они сейчас напоминали птиц – хватали по рыбине и запрокидывали голову, чтобы проглотить. Следом за первой группой подоспели прочие. Они едва ковыляли и шатались. Это были увечные: хромые, слепые и просто недоумки. Они брели, издавая пронзительные вопли. Вдруг один синий упал на бок и остался лежать, перебирая лапами, словно продолжал идти. Прочие не обратили на него внимания. Однако скоро он станет для них пищей, подумала Тимара.

– Кажется, им нравится рыба, – сказала она, чтобы не заговорить о другом.

– Скорее всего, им нравится любая плоть. Смотри, рыба уже кончилась. Это был весь утренний улов, и его хватило на несколько мгновений. Как нам их прокормить? Когда мы договаривались с Тинталей, думали, что новые драконы будут вроде нее, смогут сами охотиться через несколько дней. А если я не ошибаюсь, из этих еще никто не способен даже летать.

Драконы лизали и нюхали прибрежную глину. Один зеленый задрал морду и испустил долгий крик – непонятно, что в нем было: то ли жалоба, то ли угроза. Потом он опустил голову, увидел, что синий дракон перестал сучить лапами, и поковылял к нему. Заметив это, остальные поспешили туда же. Зеленый перешел на трусцу. Тимара отвернулась. Она не хотела смотреть, как будут есть синего.

– Если мы не сможем их прокормить, то, думаю, слабые будут умирать от голода. Со временем останется столько драконов, сколько нам прокормить по силам.

Она старалась говорить спокойно и по-взрослому, с фатализмом, который вполне соответствовал жизненной философии большинства торговцев Дождевых чащоб.

– Ты уверена? – спросил отец с холодком в голосе.

Он осуждает ее?

– А не думаешь, что они смогут найти себе другое мясо?

Кровь. Теплая, с медным привкусом. Она хотела этой крови. Длинным языком облизала морду – не только чтобы очистить, но и чтобы собрать мельчайшие остатки пищи. Олень был

превосходен – еще теплый, незакоченевший. Когда она вонзила зубы ему в брюхо, там оказались упоительно пахнувшие внутренности. Такие вкусные, такие нежные... но так мало! Она съела почти четверть оленя. И все, что осталось от ее кокона. Не насытилась, но голод приглушила. Она знала многое о том, как быть драконом, – память многих поколений предков оказалась к ее услугам. Достаточно было только обратиться к ней, чтобы узнать, что надо делать.

И надо взять имя, вдруг вспомнила она. Имя. Что-нибудь подходящее, подобающее одной из Повелителей трех стихий. Она постаралась отвлечься от голода. Сначала имя, потом поухаживать за собой, почистить крылья – и на охоту. И ни с кем не делиться своей добычей! Она расправила сложенные крылья и плавно повела ими. Кровь быстрее заструилась в плотных перепонках. Поднятый крыльями ветер чуть не сбил ее с ног. Она издала вызывающий вопль – просто чтобы все, кто готов посмеяться над ней, знали, что она нарочно это сделала. Восстановила равновесие. Какого она цвета в этой жизни? Изогнула шею и посмотрела. Синяя. Синяя? Да это же самый распространенный цвет драконов! Она подавила разочарование. Значит, синяя. Синяя, как небо, чтобы легче скрываться в полете. Синяя, как Тинталья. И нечего стесняться. Синий был... был... Нет, он есть! «Синтара!» – выдохнула она свое имя. Синтара. Синтара, летящая в ясных голубых небесах лета. Она подняла голову и протрубила: «Синтара!», гордая тем, что первой из вышедших назвала себя.

Но вышло как-то не так. Наверное, не получилось набрать достаточно воздуха. Она снова подняла голову, глубоко вдохнула и протрубила: «Синтара!», присев на задние лапы. А затем прыгнула вверх, расправляя крылья.

В крови каждого дракона хранится память всех его предков. Знания не всегда лежат на поверхности, но всплывают, когда дракон ищет ответ на какой-то вопрос, а иногда приходят незваными, если ситуация к этому располагает. Возможно, в этой особенности драконьего разума крылась причина того, что дальше все пошло просто ужасно.

Синтара оторвалась от земли, но неудачно – одна ее задняя лапа оказалась сильнее другой. И уже это было очень плохо. Но когда она попыталась помочь себе крыльями, раскрылось только одно. Другое так и не развернулось, оно было хилым и увечным. Синтара не смогла удержаться в воздухе, рухнула в грязь и повалилась на бок. Удар оглушил ее. Она была совершенно сбита с толку: ни с одним драконом ее рода никогда не случалось ничего подобного! Синтара не могла понять, что ей теперь делать, чего ждать. Она забила здоровым крылом, но только перекатилась на спину, в самую неудобную для дракона позу. Даже дышать стало трудно. Она знала, что, лежа вот так, когда открыты длинная шея и брюхо в тонкой чешуе, она крайне уязвима. Надо было срочно встать.

Для пробы она подрыгала задними лапами, но до опоры не дотянулась. Передние лапы беспомощно били по воздуху. Крылья она придавила. Синтара попробовала подвигать ими, но мышцы ей не повиновались. Наконец при помощи хвоста она перевернулась на брюхо. В ней кипел гнев пополам со стыдом. Ужасно, что сородичи видели ее в таком унижительном положении. Она подергала шкурой, пытаясь стряхнуть грязь, и огляделась.

В ее сторону смотрели только два дракона. Поднявшись, она с ненавистью уперлась в них взглядом, и они утратили к ней интерес, развернувшись к другому сородичу, распростертому на земле и уже не двигавшемуся. Эти двое наблюдали и, убедившись, что он мертв, приступили к пиршеству. Синтара шагнула к ним и остановилась в смятении. Инстинкт гнал ее к пище. Там плоть, которая делает ее сильнее, а в этой плоти – воспоминания. Если она пожрет его, то обретет силу и бесценный опыт другой линии предков. Ей никто не запретит. И пускай она сама чуть не стала такой плотью – это просто еще одна причина поесть и стать сильнее.

Сильный поедает слабого, и это правильно.

Но кто она – слабая или сильная?

Синтара сделала шаг – неровный из-за слабой лапы, и остановилась. Попробовала расправить крылья. Это удалось только с одним. Другое по-прежнему висело неподвижно. Она

повернула голову, чтобы поправить крыло. И замерла. Это убожество – ее крыло? Оно выглядело как лысая оленья шкура, натянутая на замороженные кости. Нет, это не драконье крыло. Оно не сможет выдержать ее вес, никогда не поднимет ее в воздух. Она ткнула в него носом, едва веря, что это часть ее тела. Теплое дыхание коснулось бесполезной, увечной конечности. Она отдернула голову, ужаснувшись такой неправильности. Попыталась собраться с мыслями. Она – Синтара, дракон, королева драконов, рожденная царить в небесах. Это уродство не может быть частью ее тела. Она рылась в памяти, забираясь все глубже и глубже, пытаясь найти, вызвать какого-нибудь предка, который сталкивался с таким несчастьем. Нет, никто и никогда.

Она еще раз посмотрела на тех двоих, поедающих мертвого дракона. От этого слабака осталось совсем немного – красные ребра, груды внутренностей и кусок хвоста. Слабый сделался пищей сильных. Один из драконов заметил ее. Он поднял окровавленную морду, оскаллился и выгнул дугой темно-красную шею.

– Ранкулос! – назвал он свое имя, пытаясь ее утратить.

Серебряные глаза, казалось, метали в нее молнии.

Она должна была отступить. Она же слабая, она урод. Но зрелище оскаленных зубов тронуло что-то внутри. Он не имел права бросать ей вызов! Никто не имел права.

– Синтара! – прошипела она в ответ. – Синтара!

Она шагнула вперед, к останкам, и тут ей в спину ударил поток воздуха. Синтара развернулась, пригибая голову, но оказалось, что это всего лишь вернулась Тинталь с новой добычей. Лань упала Синтаре чуть ли не под ноги. Туша была совсем свежей, карие глаза животного еще оставались ясными, и кровь текла из глубоких ран на спине. Синтара забыла о Ранкулосе и жалких останках, которые он защищал. Она прыгнула к упавшей лани.

О своих неодинаковых лапах драконица опять забыла, но на этот раз успела собраться и не упала. Протянула передние лапы к добыче и прошипела:

– Синтара!

Склонившись над тушей, она прорычала предупреждение тем, кто вздумает напасть. Вышло сдавленно и пискляво. Еще одно унижение. Но не важно. Эта еда принадлежит только ей – ей одной. Она наклонила голову и разорвала мягкое брюхо лани. Кровь, мясо и внутренности успокоили ее. Синтара схватила тушу и разодрала ее, словно убивая еще раз. Оторвав кусок мяса, запрокинула голову и проглотила. Плоть и кровь. Она снова рванула кусок. Она ест. Она выживет.

*Первый день месяца Возрождения,
седьмой год правления его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

*Детози, пожалуйста, выпусти стаю моих птиц числом не менее двадцати пяти, если у тебя нет сейчас для них срочных посланий. Все торговцы горят желанием сообщить о своем намерении увидеть выход драконов из коконов, и у меня уже некому переносить письма.
Эрек*

Глава 3

Выгодное предложение

– Элис, к тебе гость.

Элис медленно подняла голову. Угольный карандаш замер над плотным листом бумаги.

– Сейчас?

Ее мать вздохнула:

– Да. Сейчас. И об этом «сейчас» я предупреждала тебя весь день. Ты знала, что придет Гест Финбок. Ты знала об этом и в прошлый раз, на той неделе, когда он приходил в это же самое время. Элис, его ухаживания делают честь тебе и нашей семье. Ты должна всегда учтиво принимать его. Но каждый раз, когда он хочет видеть тебя, мне приходится выкуривать тебя из норы. Я хочу, чтобы ты помнила: если молодой человек приходит увидеться с тобой, нужно обходиться с ним уважительно.

Элис отложила карандаш. Мать поморщилась, глядя, как она вытирает испачканные пальцы изящным платочком, обшитым севианскими кружевами. Это была маленькая месть – платок подарил Гест.

– Тем более мы все должны помнить: он единственный мой поклонник и потому единственный шанс на замужество. – Она сказала это так тихо, что мать едва расслышала. И добавила со вздохом: – Иду, мама. И буду с ним учтива.

Мать, немного помолчав, ответила:

– Мудрое решение. – И заметила холодно, но по-прежнему спокойно: – Я рада видеть, что ты наконец перестала дуться.

Элис не поняла, то ли мать сочла ее слова искренними, то ли потребовала, чтобы она согласилась вести себя как следует. Элис на мгновение прикрыла глаза. Сегодня на севере, в глубинах Дождевых чащоб, драконы выходят из коконов. Точнее, Тинталья велела в этот день убрать с коконов листву и прочее, чтобы их коснулся солнечный свет и драконы пробудились. Может быть, именно сейчас, когда она сидит за своим столиком в скромной комнатке, среди потрепанных свитков и жалких набросков, драконы разрывают оболочки коконов.

Она представила себе эту сцену: поросший зеленью берег в жарких солнечных лучах, драконы ярких расцветок радостно трубят, выходя на свет. Наверняка торговцы Дождевых чащоб отметили их рождение празднествами. Девушка вообразила помост, украшенный гирляндами экзотических цветов. С него торжественно приветствуют появляющихся драконов. Люди поют и веселятся. Несомненно, драконы пройдут перед помостом, их представят, а потом они раскроют сверкающие крылья и поднимутся в небо. Первые драконы, проклюнувшиеся за Са ведомо сколько лет. Драконы вернулись... а она здесь, заперта в Удачном, влачит скучное существование и терпит ухаживания, которые ее раздражают.

Внезапно накатила досада. Она мечтала увидеть, как вылупятся драконы, с того дня, когда услышала об оуклившись змеях. Элис просила отца разрешить ей поехать туда, но получила ответ, что ей не пристало путешествовать одной. Тогда она подарками улестила жену младшего брата, чтобы та уговорила его разрешить ей взять Элис с собой. А еще Элис тайно продала кое-что из своего сундучка с приданым – ведь на поездку нужны были деньги – и соврала родителям, будто скопила это из тех грошей, что они выдавали ей каждый месяц на мелкие расходы. Драгоценный билет так и торчал на углу ее зеркала. Она каждый день рассматривала его – прямоугольник жесткой кремовой бумаги, на котором паучьим почерком удостоверялось, что Элис полностью оплатила путешествие на двоих. Этот кусочек бумаги был обещанием. Он означал, что она увидит то, о чем читала, станет свидетельницей события, которое может – нет, которое должно изменить ход истории. Элис зарисует все и опишет – со знанием

дела, связав увиденное с тем, что она изучала много лет. И кто-нибудь по достоинству оценит ее знания и способности и поймет, что она хоть и самоучка, но не просто старая дева, одержимая драконами и их спутниками-Старшими, – она ученый.

И тогда у нее появилось бы нечто, принадлежащее только ей. И спасло бы ее от того жалкого существования, в которое превратилась жизнь в Удачном. Еще до войны ее семья обеднела. Жили просто, в скромном доме на окраине Удачного. Вместо большого парка у дома был всего лишь скромный сад с розами, окруженный заботами ее сестер. Отец зарабатывал на жизнь тем, что возил товары от одних богатых семей другим. Когда началась война и торговля замерла, прибыль от таких сделок упала. Элис понимала, что она обычная девушка из простой семьи, прочно обосновавшейся в низшем слое удачнинских торговцев. Она никогда ни для кого не считалась хорошей партией. И перспективы не улучшились от того, что ее выход в свет отложили до восемнадцати лет. Элис понимала, почему мать так поступила: нужно было устроить браки сестер и для еще одной дочери просто ничего не оставалось. А когда три года назад она наконец была представлена обществу торговцев, ни один мужчина не поспешил выделить ее из стайки девушек. С тех пор ряды городских девиц на выданье пополнялись трижды, и с каждым годом перспективы Элис на появление жениха и замужество становились все призрачнее.

Во время войны с Калсидой они едва выжили. Лучше было бы забыть как страшный сон те ночи огня, дыма и плача. Калсидийские корабли вошли в гавань, подожгли склады, вместе с которыми сгорела и половина рынка. Удачный, славный торговый город, где было все, что только можно вообразить, превратился в чадающие руины и кучи пепла. Если бы на помощь не пришла драконица Тинталья, родные Элис сейчас были бы татуированными рабами где-нибудь в Калсиде. Врагов изгнали, а торговцы заключили союз с Пиратскими островами. Джамелия, их родина, пришла в себя, и джамелийцы поняли, что калсидийцы вовсе не союзники, а племя грабителей. Гавань Удачного расчистили, город начали отстраивать, и жизнь стала возвращаться в привычную колею. Элис понимала: она должна быть благодарна за то, что их дом не сгорел и что их несколько ферм по-прежнему выращивают корнеплоды, идущие на рынке нарасхват.

Но никакой благодарности она не испытывала. О нет, ей совсем не хотелось жить в полу-сгоревшей халупе и спать в канаве. Нет. Но в те несколько восхитительных и страшных недель она думала, что сможет избавиться от роли третьей дочери небогатой удачнинской семьи. В ночь, когда Тинталья приземлилась у выгоревшего Зала Торговцев и заключила сделку с жителями – защита города в обмен на помощь змеям и вылупившимся из коконов драконам, – Элис воспрянула духом. Она была там. Стояла, завернувшись в шаль, дрожа в темноте, и слушала речи драконицы. Видела ее мерцающую шкуру, ее глаза и – да, она была очарована голосом Тинтальи, покорена ее обаянием. Она с радостью поддалась чарам, полюбив эту драконицу и все, что было с ней связано. Ей представлялось, будто нет призвания выше, чем посвятить жизнь составлению летописи драконов и Старших. Она решила, что соберет воедино все известное из их истории и дополнит эти знания свидетельствами об их нынешнем славном возвращении. В ту ночь, в тот час Элис вдруг поняла, что у нее есть свое место и свое дело в этом мире. Среди пожаров и раздора казалось возможным все, даже то, что однажды Тинталья посмотрит на нее и обратится к ней и, может быть, поблагодарит за преданность этой работе.

И даже потом, когда Удачный поднимался из руин и его жители старались построить новую жизнь, Элис продолжала верить, что ее горизонты расширились. Освобожденные рабы объединились с народом Трех Кораблей и торговцами, и у всех была единая цель – возродить Удачный. Все горожане, даже женщины, оставили свои убежища и привычные занятия и взялись за дело. Элис понимала, что война ужасна, что она разрушительна и что ее следует ненавидеть, но в ее жизни война была единственным действительно волнующим событием.

Ей следовало знать, что эти мечты ни к чему не приведут.

Дома были восстановлены, люди вернулись к прежним делам, вновь начали торговать, несмотря на войну и пиратство. Все стремились наладить такую жизнь, какой она была до войны. Все, кроме Элис. Открыв для себя возможность иного будущего, она отчаянно стремилась избежать наступающей ее судьбы.

И даже когда в ее жизни появился Гест Финбок, она не отказалась от своей мечты. Ни восторг матери, ни тихая гордость отца – ведь его оставшаяся было без кавалеров дочь не просто привлекла соискателя, но вытянула счастливый билет! – не заставили Элис забыть свой план. Пусть мать себе хлопочет, а отец сияет. Элис знала, что интерес Геста ни к чему не приведет, и почти не обращала на ухажера внимания. Она сосредоточила свои мысли на таких смешных, детских мечтах...

До традиционного летнего бала оставалось всего два дня. Это будет первый праздник в заново отстроенном Зале Торговцев. Весь Удачный пребывал в волнении. Представители от татуированных и народа Трех Кораблей должны будут присоединиться к удачным торговцам в честь возрождения их города. Несмотря на продолжающуюся войну, празднество ожидалось небывалое, впервые в нем пригласили поучаствовать всех жителей Удачного. Но Элис это мало занимало – она не собиралась туда идти. У нее был билет в Дождевые чащобы. Пока другие женщины, обмахиваясь веерами, станут кружиться в танце, она в Кассарике будет смотреть, как из коконов появляется новое поколение драконов.

Но две недели назад Гест Финбок попросил у отца разрешения сопровождать ее на балу. И отец разрешил.

– А дав обещание, девочка моя, я не в силах его отменить! Разве мог я вообразить, что ты предпочтешь отправиться по реке Дождевых чащоб смотреть на каких-то ящериц, вместо того чтобы появиться на летнем балу под руку с лучшим удачным женихом?

Отец гордо улыбался, топчась по осколкам ее мечты. Он был так уверен в том, что знает ее сокровенные желания. А мать сказала, что это вообще невысказано – думать, будто отец станет спрашивать у дочери совета в таком деле. Разве Элис не доверяет своим родителям? Ведь они желают ей добра!

В смятении Элис даже не нашла что ответить. Просто повернулась и убежала из комнаты. Потом потянулись дни, когда она оплакивала утраченные возможности. Дулась, как мать это называла. Что не помешало матери пригласить швей и скупить в Удачном весь розовый шелк и ленты. На свадебное платье для дочери денег не жалели. Какое значение имели умершие в зародыше мечты Элис, если ее родители наконец-то могли выдать замуж свою бесполезную и чудаковатую среднюю дочь? В нынешнее время войны и затянутых поясов они лихорадочно тратили деньги в надежде не только избавиться от нее, но и заключить выгодный торговый союз. Элис умирала от отчаяния. А ее мать говорила «дуешься».

С этим покончено?

Да.

На мгновение Элис удивилась. Затем вздохнула и сумела отпустить то, за что цеплялась. Она прямо-таки видела, как нисходит на уровень обычных ожиданий, к тихой, скромной жизни, достойной дочери торговцев, которой предстоит стать женой торговца.

Все прошло, миновало, закончилось. И пусть. Ничего и не должно было произойти. Элис посмотрела в окно. Ее взгляд блуждал по розам в крохотном садике. Все как всегда. Ничего не меняется.

Она заставила себя выдать ответ:

– Я не дуюсь, мама.

– Я рада. За нас обеих. – Мать откашлялась. – Он хороший человек, Элис. Даже будь он не столь выгодной партией, я бы все равно так говорила.

– Куда лучше, чем вы могли надеяться. Лучше, чем я заслуживаю.

Пауза на три удара сердца. Затем мать резко сказала:

– Не заставляй его ждать, Элис.

Элис отметила, что мать не возразила ей. Девушка знала это, и ее родители знали, и сестры, и брат. И до сих пор никто не произносил этого вслух. Гест Финбок слишком хорош для нее. Удивительно, что богатый наследник одной из самых знатных семей Удачного хочет жениться на простушке, дочери Кинкарронов. Элис почувствовала странную свободу, когда мать оставила ее слова без ответа. И гордость из-за того, что произнесла их без сожаления. Немного обидно, подумала она, укладывая угольные карандаши в серебряную коробочку и снова пачкая пальцы. Обидно, что мать даже не попыталась сказать, что ее дочь достойна такого жениха. Даже если это ложь. Элис казалось, что, заботясь мать о ее чувствах, она солгала бы, просто чтобы поддержать свою самую непривлекательную из дочерей.

Элис задумалась: как объяснить матери, что ей неинтересен Гест? Если сказать что-то вроде: «Слишком поздно. Мои девичьи мечты умерли, и теперь мне нравится совсем другое», мать ужаснется. А ведь это правда. Как все девицы, она мечтала о розах, поцелуях украдкой и романтическом сватовстве, о женихе, которого не будет волновать ее приданое. Эти мечты постепенно угасли, утонули в слезах и унижении. Элис не желала воскрешать их.

За год выходов в свет у Элис не появилось ни одного поклонника, и она решила готовиться к роли незамужней тетушки. Она играла на арфе, плела отличные кружева, у нее получались вкуснейшие пудинги. Она даже выбрала себе подходящее экстравагантное хобби: задолго до того, как в ее грезы ворвалась Тинталья, Элис стала изучать все, что было известно о драконах и Старших. Если в Удачном обнаруживался свиток о тех или других, она находила способ прочесть, купить или одолжить и переписать его. Она была уверена, что сейчас у нее собрана самая большая в городе библиотека текстов об этих двух древних расах, причем многие свитки было переписаны ею собственноручно.

Вместе с доставшимися тяжелым трудом знаниями Элис приобрела репутацию чудачки. Эту незавидную славу не могло бы перевесить даже большое приданое, а уж для средней дочери небогатых торговцев это был непростительный изъян. Но Элис это не волновало. Изыскания, начатые забавы ради, полностью завладели ею. Увлечение-причуда переросло в нечто большее. Она стала ученым, историком-самоучкой, она собирала, упорядочивала и сравнивала любые обрывки сведений о драконах, равно как и о древних Старших, Элдерлингах, живших вместе с этими гигантскими созданиями. Вообще, о них знали очень мало. Их история была связана с древними подземными городами Дождевых чащоб и, следовательно, с историей Удачного. Происходившие из этих городов древнейшие свитки содержали письма на никому не известных языках. Многие более новые тексты представляли собой разрозненные попытки перевода, и хуже всего были те, что состояли из фантазий и домыслов. Иллюстрированные свитки часто оказывались попорчены, в пятнах, а то и поедены крысами. Приходилось только догадываться, что там было изначально. Но, углубляясь в изучение, Элис обрела способность не просто угадывать; бережно сопоставляя сохранившиеся тексты, она узнала довольно много слов. Девушка была уверена, что со временем сможет раскрыть все до единого секреты, которые таили в себе древние письма. А время, как ей было известно, – это как раз то, чего у старых дев в избытке. Время, чтобы учиться и размышлять, время, чтобы раскрыть все эти манящие тайны.

Если бы только Гест Финбок не влез в ее жизнь! Пятью годами старше, наследник очень состоятельной даже по меркам Удачного семьи торговцев, он был настоящим героем женских грез. Увы, это были грезы матери, а не самой Элис. Мать чуть в обморок не упала от радости, когда Гест в первый раз пригласил Элис на танец. В тот же вечер он станцевал с ней еще четыре раза, и мать едва могла сдержать восторг.

По дороге домой, пока они ехали в карете, она ни о чем другом и говорить не могла:

– Он такой красавец и всегда так хорошо одет. Ты видела лицо Мельдара, когда Гест пригласил тебя? Его жена уж сколько лет пытается пристроить за Геста какую-нибудь из своих дочек – я слышала, она приглашает его к обеду по семь раз в месяц! Бедняжка. Все знают, что

Мельдаровы девчонки суетливы, точно блохи. Можешь себе представить, каково это – сидеть за столом со всеми четырьмя разом? Вертлявые, как кошки, и мамаша такая же. Я уверена, он ходит к ним только ради младшего сына. Мне говорили, что Мельдар оскорбился, когда Гест предложил Седрику должность в своем доме. Можно подумать, парню светило что-то получше! Ведь их семья обеднела из-за войны. Что осталось – унаследует старший брат Седрика, а они еще должны дать хорошее приданое за дочерьми или уж сами содержать их! Сомневаюсь, что Седрику достанется что-то существенное.

– Хватит, мама! Ты же знаешь, что Седрик Мельдар – мой друг. Он всегда был добр ко мне. Он очень милый юноша, и у него свои планы.

Мать не обратила внимания на ее слова:

– Ах, Элис, вы так хорошо смотрите вместе. Гест Финбок подходит тебе по росту, а когда я увидела рядом твое голубое платье и его синий жакет – о! вы как будто сошли с картины. Он говорил с тобой?

– Так, немного. Он очень любезен, – призналась Элис. – Совершенно очарователен.

Да, именно так. Очарователен. Умен. Необыкновенно хорош собой. И богат. В тот вечер Элис никак не могла понять, что Гесту от нее нужно. Танцую с ним, она ни о чем не могла думать. Он спросил, чем она занимается в свободное время, она ответила, что любит читать.

– Не вполне обычное занятие для девушки! И что же ты читаешь?

Элис мгновенно возненавидела его за этот вопрос, но ответила честно:

– О драконах и Старших. Они меня восхищают. Раз Тинталья стала нашей союзницей, а в небо скоро поднимется новое поколение драконов, кто-то должен их изучать. Я уверена, что в этом мое предназначение.

Вот так. Он должен был понять, что она совершенно неподходящая партнерша для танцев.

– Ты в самом деле так думаешь? – серьезно спросил он.

Его рука легла ей на спину, увлекая в разворот, который вышел почти изящным.

– Да, – ответила она, ставя точку в разговоре.

А он снова пригласил ее на танец и молча улыбался ей, ведя среди других пар. Когда музыка смолкла, Гест задержал ее руку в своей чуть дольше, чем следовало. Элис пришлось первой отвернуться и отойти к столу, где ее ждала мать, раскрасневшаяся и задыхавшаяся от волнения.

Всю дорогу домой она молча слушала, как мать торжествует. На следующий день Гест прислал цветы с запиской, в которой благодарил Элис за танцы, – девушка решила, что он издевается. И вот спустя три месяца, после девяноста дней ухаживания, на протяжении которых Гест вел себя с ней взвешенно и учтиво, Элис по-прежнему не понимала, что нашел в ней этот самый завидный жених Удачного.

Элис с трудом заставила себя признать, что нарочно медлит. Она отложила свои заметки и наброски. Сегодня она сравнивала сведения из трех свитков, пытаясь выяснить, как же на самом деле выглядели Старшие. Жаль, что уже не получится до вечера вернуться к работе. Со вздохом она подошла к зеркалу, чтобы проверить, не осталось ли на лице или руках следов угольного карандаша. Нет. Все в порядке. Она посмотрела себе в глаза. Серые. Не пронзительно-черные, не ярко-синие и не изумрудно-зеленые. Серые, как гранит, обрамленные короткими ресничками. Нос короткий и прямой, рот широкий и полный. Самое обычное лицо, если бы не веснушки. И не просто безобидная россыпь на носу – нет, она вся была в этих пятнышках, даже руки. Лимонный сок на них совершенно не действовал. А от солнца они темнели. Элис подумала о пудре, но отвергла эту мысль. Она такая, какая есть, и не собирается обманывать мужчину или саму себя краской и пудрой. Девушка пригладила свои рыжие волосы, убрала с лица выбившиеся прядки, поправила кружевной воротник и вышла из комнаты.

Гест ждал ее в гостиной. Мать болтала с ним о розах, которые так чудесны в этом году. На столике между ними стоял серебряный поднос с бледно-голубыми фарфоровыми чашечками и чайником. От чайника шел запах мяты. Элис слегка поморщилась – ей нисколько не хотелось этого чая. Она нацепила на лицо любезную улыбку, вздернула подбородок и вошла в комнату.

– Доброе утро, Гест! Рада тебя видеть.

Он встал, двигаясь с текучей грацией крупного кота. У него были зеленые глаза – разительный контраст с черными волосами, которые он, вопреки моде, зачесывал назад и связывал в хвост на затылке простым кожаным ремешком. Блеск его волос напоминал Элис о крыльях ворона. Сегодня Гест был в темно-синем жакете, но шейный платок повязал зеленый. В цвет глаз. Он улыбнулся – белые зубы блеснули на загорелом лице – и поклонился ей. На секунду ее сердце дрогнуло. Этот мужчина просто красавец! В следующий миг Элис вернулась к правде жизни. Он слишком хорош собой, чтобы интересоваться ею.

Элис села в кресло, а Гест – на прежнее место. Мать пробормотала какие-то извинения, на которые они оба не обратили внимания. Мать вообще старалась оставлять их наедине, насколько это позволяли правила приличия. Элис мысленно усмехнулась. Она была уверена: то, что происходит между ними в воображении матери, куда интересней их простых и скучных разговоров.

– Не желаешь ли еще чая? – вежливо спросила она гостя.

Пока Гест колебался, Элис налила себе. Мята. Почему мать выбрала именно мяту, ведь она же знает, что Элис ее терпеть не может? Ах да, конечно. Чтобы дыхание было свежим, если вдруг Гест решит ее поцеловать.

Элис подавила нечаянный смешок. Этот человек даже за руку ее никогда не пытался взять. В его ухаживаниях не было ничего романтического.

Гест вдруг со звоном поставил чашку на блюдце. Элис удивилась, увидев в его глазах вызов.

– Тебя что-то насмешило. Быть может, я?

– Нет! Нет, конечно нет. Ну, то есть ты бываешь забавным, когда сам того хочешь, но я не смеюсь над тобой. Нет.

Элис отпила глоток чая.

– Конечно нет, – повторил он, но с сомнением в голосе.

А голос у него глубокий и низкий. Такой низкий, что, когда он говорит тихо, его бывает трудно понять. Но сейчас-то он голоса не понижал.

– Ты никогда не смеешься, никогда мне не улыбаешься. О, ты кривишь губы, когда знаешь, что положено улыбнуться, но это не настоящая улыбка. Или я не прав, Элис?

Такого поворота событий она не предвидела. Это что, ссора? Так они едва ли хоть раз разговаривали по-настоящему, какая может быть ссора? Этот человек ей совершенно неинтересен, так почему его недовольство задело ее за живое? Элис вспыхнула. Как это глупо. Что подобает шестнадцатилетней девице, едва ли простительно женщине в двадцать один. Она постаралась заговорить откровенно – хотя бы для того, чтобы успокоиться. Слова пришлось подобрать с трудом:

– Я всегда старалась быть с тобой вежливой – то есть я всегда вежлива, со всеми. И я не какая-нибудь глупая девчонка, чтобы притворно хихикать над каждым словом. – Чтобы преодолеть внезапную скованность, она заставила себя заговорить более официальным тоном: – Господин мой Финбок, я не думаю, что у тебя есть основания жаловаться на мое с тобой обращение.

– Но и оснований радоваться нет. – Он со вздохом откинулся на спинку стула. – Элис, я должен тебе кое в чем признаться. Я услышал сплетню. Точнее было бы сказать так: у моего помощника, Седрика, талант узнавать обо всех слухах и скандалах Удачного. От него я узнал, что говорят, будто ты не в восторге от моих ухаживаний и недовольна перспективой появиться

со мной на летнем балу. Судя по тому, что услышал Седрик, ты предпочла бы в этот день смотреть, как в Дождевых чащобах из яиц морских змей выходят драконы.

– Это змеи выходят из драконьих яиц, – поправила она, не сдержав себя. – Змеи свивают себе оболочки, которые люди называют коконами, а весной из них появляются молодые драконы.

Мысли неистово скакали. Что и кому она говорит? Как он разузнал о ее планах? Ах да. Жена брата. Оплакивала пропавшие деньги за билеты, а Элис неосторожно заметила, что предпочла бы путешествие балу. Зачем только эта дура раззвонила обо всем и почему Элис была так неосторожна, что высказала вслух свои сожаления?

Гест подался вперед:

– И ты предпочла бы смотреть на драконов, вместо того чтобы пойти со мной на летний бал?

Это был прямой вопрос. И он требовал самого прямого ответа. Элис полагала, что смирилась со своей судьбой, но сейчас в ней вспыхнула последняя искра сожаления.

– Да. Да, именно так. Для этого я и купила билеты на живой корабль, идущий вверх по реке. А летний бал... Я бы куда лучше провела время в Дождевых чащобах. Там я могла бы рисовать с натуры, делать заметки, слушать первые слова драконов и смотреть на Тинталю – как она выводит их в небо. Я бы увидела, как драконы возвращаются в мир.

Некоторое время он молчал, внимательно разглядывая ее. Элис почувствовала, что краснеет еще сильнее. Ну что ж, он сам спросил. Если ему не нравится ответ, не нужно было и спрашивать. Гест сцепил пальцы и посмотрел на них. Элис ждала, что он встанет и в гневе уйдет. Она говорила себе, что конец этого ухаживания-насмешки будет большим облегчением. Почему же тогда у нее горло перехватывает и к глазам подступают слезы?

– Могу ли я надеяться, что причина твоего недовольства последних недель кроется в отмененном путешествии, а не в разочаровании во мне как женихе? – спросил он, продолжая разглядывать свои руки.

Это было так неожиданно, что она не могла придумать ответ. Гест не отрывал от нее испытующего взгляда. У него были длинные ресницы и красивые брови.

– Итак?

Элис отвела взгляд:

– Я очень расстроилась, что поездка не состоялась. И мне обидно, что я не там. Такие события случаются раз в жизни, больше этого никогда не будет! Нет, конечно, я очень надеюсь, это не последний выход драконов из коконов. Но сейчас такое произошло впервые спустя несколько поколений! – Она резко поставила на блюде чашку с гадким мятным чаем. Встала, подошла к окну и стала смотреть на любимые розы матери. Но роз Элис не видела. – Там будут свидетели. Они зарисуют и запишут все, что увидят. А это другое знание. Не то, что добывается из выцветших непонятных писем неизвестного языка на обрывках телячьей кожи. Те люди изучат произошедшее на их глазах и прославятся своими изысканиями. Весь почет, вся слава достанутся им. А мои знания окажутся никому не нужны. Получается, я напрасно потратила на разгадку головоломок все эти годы. Никто и не подумает, что я серьезно изучаю драконов. В лучшем случае сочтут меня престарелой чудачкой, которая бормочет всякую чушь над старыми свитками. Вроде маминой тети Джоринды – она собирала целые коробки устричных раковин, одинаковых по цвету и размеру.

Тут Элис умолкла, ужаснувшись, что рассказывает такое о своей семье, и плотно сжала губы. Впрочем, какое ей дело до того, что он подумает. Она была уверена: рано или поздно Гест поймет, что она не подходит ему в невесты, и прекратит ухаживание. А пока он болтался рядом с ней, она упустила последнюю возможность изменить свою судьбу. Придется превратиться в старую деву и жить на подачки брата. За окном мир наслаждался летом, обещавшим множество возможностей – но не для нее. Для нее это было время утраты.

За спиной Элис услышала тяжелый вздох. Гест набрал воздуха и заговорил:

– Я... ну, я прошу прощения. Я знал, что ты интересуешься драконами. Ты сама рассказала мне в тот первый вечер, когда я тебя пригласил. И я воспринял это всерьез, Элис. Честное слово. Я просто не понял, насколько это важно для тебя. Не понял, что ты действительно хочешь изучать этих существ. Боюсь, я принял это за причуду, за увлечение, призванное всего лишь скоротать время. И рассчитывал помочь тебе скоротать его сам.

Элис слушала, то удивляясь, то ужасаясь. Она хотела, чтобы хоть кто-нибудь признал ее изыскания не развлечением, а серьезным делом, но теперь, когда это сделал Гест, ей казалось унижительным, что он знает, насколько важно для нее ее занятие. Изучение драконов показалось вдруг глупостью, нездоровым пунктиком, а не разумным делом. Чем оно лучше одержимости устричными раковинами? Что ей эти драконы, зачем они ей сдались, в самом-то деле? Чтобы просто оправдать нежелание жить так, как положено? Но гнев Элис быстро улетучился. Как она могла вообразить, что ее сочтут специалистом по драконам? Она выглядит глупо в его глазах.

Элис не ответила. Гест снова вздохнул:

– Я должен был понять, что ты не праздный дилетант, что ты не ждешь, чтобы кто-то другой дал тебе цель и смысл жизни. Элис, я прошу у тебя прощения. Я нехорошо обошелся с тобой. Я исходил из благих намерений – по крайней мере, считал их благими. Теперь я понимаю, что всего лишь искал выгоды и пытался втиснуть тебя в то место своей жизни, которое считал наилучшим для тебя. Видишь ли, я на собственном опыте знаю, каково это, потому что моя семья именно так обращается со мной.

В его голосе было столько чувства, что Элис смутилась.

– Не стоит тревожиться обо мне, – тихо проговорила она. – Это было праздное увлечение, мечта, с которой я связывала слишком много надежд. Со мной все будет в порядке.

Он, казалось, не услышал ее.

– Сегодня я пришел с подарком, я думал, что могу побудить тебя думать обо мне лучше. Но теперь я опасаюсь, что ты увидишь в этом подарке только насмешку над своей мечтой. И все же я прошу принять его – как скромное возмещение твоей утраты.

Подарок. Вот уж чего ей от него совершенно не нужно. Он и раньше делал ей подарки: дорогие кружевные платки, стеклянные флакончики с духами, изысканные конфеты с рынка и браслет из мелкого жемчуга. Подарки эти были тем дороже, что добывались в военное время. Они бы подошли юной особе, но ей, стоявшей на пороге превращения в старую деву, такие подношения действительно казались насмешкой.

К Элис вернулась способность говорить, и она сказала то, что следовало сказать:

– Ты очень добр ко мне.

Если бы только он мог понять, что на самом деле творится у нее в душе.

– Пожалуйста, сядь. Позволь мне вручить его. Хотя, боюсь, он вызовет у тебя скорее горькие чувства, чем радость.

Элис отвернулась от окна. После яркого света комната показалась темной и неприветливой. Глаза еще не привыкли к полусвету, и Гест в этой мрачной комнате выглядел как темный силуэт. Она не хотела садиться рядом с ним, не хотела давать ему возможность прочесть по лицу ее истинные чувства. Она могла совладать с голосом, но со взглядом это было труднее. Элис тяжело вздохнула. Но не заплакала, не уронила ни единой слезы. И была горда, что смогла сдержаться. Этот человек в кресле воплощал собой другой (и единственный) путь, который предлагала ей судьба. Она не верила, не могла поверить ему.

Но теперь правила приличия требовали, чтобы она притворилась и не выдавала того, что творилось у нее на душе. Нельзя выставлять себя перед ним еще глупее, чем уже вышло. Элис сосредоточилась. Надо обратить все, что она наговорила и сделала, в шутку, в анекдот, который он сможет рассказывать за обедом много лет спустя, а его настоящая жена будет весело

смеяться над историей о глупом уходе, случившемся до их знакомства. Элис придала лицу спокойное выражение – она знала, что приятно улыбаться ей пока не хватит сил. Затем вернулась, села на свой стул и взяла чашку с остывшим чаем.

– Ты уверен, что не хочешь еще чая?

– Совершенно уверен! – отрывисто бросил он.

Чудовище. Он не собирался давать ей возможность укрыться за вежливой светской болтовней. Элис отпила глоток, чтобы скрыть вспышку гнева.

Гест развернулся на стуле и достал кожаный футляр.

– У меня есть знакомый в Дождевых чащобах. Он капитан живого корабля и часто бывает в Удачном. Ты, конечно, знаешь о раскопках в Кассарике. Когда жители чащоб обнаружили там погребенный город, то очень обрадовались. Они думали, там будет как в Трехоге – мили и мили туннелей, которые надо раскопать и проверить помещение за помещением, чтобы найти сокровища. Но в Кассарике дело пошло хуже, чем в других городах Старших. Помещения не просто оказались занесены песком или затоплены илом. Они обрушились. И все же порой там находят неповрежденные вещи.

Гест открыл футляр, от которого, пока он говорил, Элис не отрывала взгляда. Трехог был главным городом Дождевых чащоб, построенным на деревьях среди болот. Под ним торговцы нашли и разграбили ушедший под землю древний город Старших. Подобный курган был обнаружен и в Кассарике, совсем рядом с площадкой для драконьих коконов, и он наверняка скрывает под собой такой же город сокровищ. С тех пор о находке почти ничего не говорили, но это, впрочем, было в порядке вещей. Торговцы Дождевых чащоб не отличались болтливостью и не доверяли свои секреты даже родне в Удачном. Сердце у Элис замерло от слов Геста. Она мечтала о том, чтобы в Кассарике раскопали библиотеку или хотя бы хранилище свитков и предметов искусства. Мечтала побывать там в эту поездку, задержавшись после выхода драконов из коконов. И еще она представляла, как говорит: «Что ж, я изучила все, что смогла найти в Трехоге. Перевести тексты полностью не могу, но отдельные слова знаю. Дайте мне полгода, и, возможно, я сумею обнаружить в этих свитках некий смысл». Все были бы поражены ее знаниями и исполнились бы благодарности к ней. Она бы добилась признания от торговцев Дождевых чащоб: переведенный свиток в сотню раз ценнее неперевоенного, и не только по части сведений, но и по стоимости. Элис осталась бы в Дождевых чащобах, ее бы там ценили. В ночной темноте у себя в комнате она много раз представляла себе все это. Но в летний полдень, в гостиной, ее мечты выцвели до детских фантазий. Все они были сотканы из тщеславия и заблуждений, подумала она.

– Как печально! – сумела произнести Элис светским тоном. – Судя по слухам о втором погребенном городе, на раскопки возлагали большие надежды.

Гест кивнул, его темная голова склонилась над футляром. Элис смотрела, как он расстегивает защелки.

– Там нашли комнату со свитками. Нижняя часть была занесена илом. Как я понял, они пытаются спасти все свитки, но речная вода там все равно что кислота. И вот обнаружился один шкаф, и на верхних полках за стеклом – шесть свитков в плотно закрытых футлярах из рога. Они сохранились не очень хорошо, но сохранились. На двух что-то вроде чертежей корабля. Еще на одном – множество рисунков растений. Два – планы какого-то здания. А шестой – вот он. И он твой.

Элис потеряла дар речи. Гест достал из футляра толстый роговой цилиндр, и она поймала себя на мысли, что хотела бы знать, у какого животного мог быть такой огромный и блестящий черный рог. Гест с усилием вывернул деревянную пробку и вытянул содержимое цилиндра. Свиток превосходного, чуть потемневшего пергамента был обернут вокруг сердцевины из полированного черного дерева. Края, похоже, слегка обгорели, но никаких признаков повре-

ждения водой, следов насекомых или плесени она не заметила. Гест протянул свиток ей. Элис вскинулась было – и уронила руки обратно на колени.

Когда она заговорила, голос у нее дрожал:

– О чем... о чем он?

– Никто точно не знает. Но там есть иллюстрации – женщина Старшей расы, черноволосая и золотоглазая. И дракон тех же цветов.

– Она была королевой, – быстро заговорила Элис. – Я не знаю, как перевести ее имя. Но изображения коронованной женщины с черными волосами и золотыми глазами встречались мне в четырех свитках. А в одном нарисован летящий черный дракон, который несет ее в чем-то вроде корзины.

– Невероятно, – проговорил Гест.

Он сидел прямо, протягивая ей свиток. Элис обнаружила, что крепко сжимает руки.

– Не хочешь взглянуть?

Элис перевела дыхание:

– Я знаю, сколько стоит такой свиток, я знаю, как дорого ты заплатил за него. Я не могу принять такой дорогой подарок. Это не... это...

– Это неприлично, если мы не помолвлены.

Он говорил очень тихо. Была ли то просьба или насмешка?

– Я не понимаю, почему ты ухаживаешь за мной! – внезапно выпалила она. – Я некрасива. Моя семья не богата и не влиятельна. У меня маленькое приданое. Я даже не молода, мне больше двадцати! А ты... У тебя есть все, ты хорош собой, богат, умен, обаятелен... Зачем тебе это? Зачем ты за мной ухаживаешь?

Он слегка отстранился от нее, но не выглядел обескураженным. Напротив, его губы тронула улыбка.

– Ты находишь это забавным? – продолжала Элис. – Это что, такая шутка или пари?

Улыбка исчезла с его лица. Он резко встал, по-прежнему сжимая в руке свиток.

– Элис, это... это хуже любого оскорбления! Как ты могла обвинить меня в таком поступке? Так вот кем ты меня считаешь на самом деле!

– Я не знаю, кем тебя считать, – ответила она. Сердце колотилось где-то под горлом. – Я не знаю, почему ты пригласил меня на танец тогда, в первый раз. Я не знаю, почему ты ухаживаешь за мной. Я боюсь, что все кончится разочарованием и унижением, когда ты наконец поймешь, что я тебе не пара, и откажешься от своих намерений. Я привыкла к мысли о том, что никогда не выйду замуж. Нашла для себя новую цель в жизни. А теперь я боюсь, что утрачу и это свое намерение, и возможность стать кем-то кроме увядающей старой девы, прозябающей в задних комнатах в доме своего брата.

Гест медленно осел обратно на стул. Подарок он держал небрежно, словно позабыл о нем – или о том, сколько он стоит. Элис старалась не смотреть на драгоценный свиток. Наконец гость медленно проговорил:

– Элис, ты снова заставила меня понять, насколько я с тобой нечестен. Ты и впрямь необыкновенная женщина. – Он сделал паузу, и Элис показалось, что прошла вечность, прежде чем он заговорил снова: – Я мог бы солгать тебе снова. Я мог бы польстить тебе, наговорить слащавостей, притвориться, что безумно в тебя влюблен. Но теперь я понимаю, что ты вскоре раскрыла бы эту уловку и стала бы презирать меня еще сильнее.

Он помолчал, плотно сжав губы.

– Элис, ты сказала, что уже немолода. Я тоже. Я на пять лет старше тебя. Как ты верно отметила, я богат. Конечно, когда разразилась война, нас не минула участь прочих торговцев из старинных семейств Удачного и наше состояние пошатнулось. И все же торговля развивается, мы понесли урон меньший, чем другие. Я уверен, что мы переживем войну и станем одной из самых влиятельных семей обновленного города. После смерти отца представлять нашу семью

и вести торговлю от ее имени буду я. Природа одарила меня приятной внешностью, но иногда я думаю, что это на самом деле не дар, а проклятие. Я усвоил обходительные манеры, потому что, как известно, мед куда лучше сдобрит сделку, чем уксус. Я кажусь общительным и веселым, потому что это хорошо для дела, которое я обязан вести. Однако не думаю, что ты удивишься, если я скажу, что есть и другой Гест, скрытный и сдержанный, и он, как и ты, больше всего ценит, когда его оставляют в покое и он может заниматься тем, что ему интересно. Скажу тебе честно: уже несколько лет родители принуждают меня жениться. В юности я учился и путешествовал, чтобы лучше понимать отцовских торговых партнеров. Балы, праздники и всякие там приглашения на чай, – он указал на поднос с чашками, – мне скучны. И все же по воле родителей я должен жениться и завести наследников. Я должен найти жену, которая бы прилежно исполняла положенные ей обязанности, умела поддержать светскую беседу, когда это нужно, и была принята в удачнинском обществе. Короче говоря, я должен жениться на женщине из старинной семьи торговцев. Признаюсь, я и сам был бы рад иметь свой дом и наслаждаться обществом женщины, уважающей мои слабости. Так что, когда родители вполне серьезно заявили, что я должен или жениться, или начать готовить своего кузена себе в наследники, я выбрал первое. И стал искать женщину – спокойную, разумную, которая могла бы сама занять себя, когда меня нет рядом. Мне нужен кто-то, кто мог бы вести дом без моего постоянного присмотра. Женщина, которая не чувствовала бы себя брошенной, проведя без меня вечер или даже несколько месяцев, если мне придется отлучаться по делам. Один из моих друзей рассказывал мне о тебе – о твоём интересе к драконам и Старшим. Я знаю, что ты бывала в доме его семьи и брала свитки из библиотеки его отца. Твоя прямота и увлеченность научными изысканиями произвели на него впечатление.

Услышав эти слова, Элис обмерла. Она вдруг поняла, кто рекомендовал ее. Седрик Мельдар, брат Софи. Однажды он помогал ей искать свитки в кабинете отца. Элис всегда хорошо относилась к Седрику, а девочкой даже была влюблена в него. И узнать, что он посоветовал своему другу обратить внимание на нее как на невесту, было для нее потрясением. Не заметив ее смятения, Гест продолжал говорить:

– И вот когда я жаловался на жизнь, Седрик сказал мне, что я не найду лучшей невесты, чем женщина, у которой уже есть своя жизнь и свои интересы. Так я услышал о тебе. И в самом деле, у тебя свои интересы в жизни, так что я начинаю сомневаться, сможешь ли ты включить в свои планы мужа.

Он внезапно посмотрел на нее. Уж не мелькнула ли в его темных глазах искра удивления?

– Это не романтическое предложение. Думаю, ты заслуживаешь лучшей доли, чем та, что предлагаю я. Но, говоря прямо, вряд ли тебе предложат что-то более выгодное. Я богат, умен, хорошо воспитан и, как мне самому кажется, добр. Я имею основания надеяться, что мы неплохо поладим – я со своей торговлей и ты со своими учеными занятиями. После свадьбы мы оба с огромным облегчением избавимся от ворчания родителей. Итак, Элис, можешь ли ты дать мне ответ сегодня же? Выйдешь ли ты за меня замуж?

Он умолк. Элис не находила сил ответить на это странное предложение. Гест, наверное, подумал, что она колеблется. И поэтому повторил то, что другой женщине могло бы показаться страшным оскорблением, а для нее прозвучало всего лишь как признание их невысокого положения:

– Не думаю, что тебе сделают предложение лучше этого. Я богат. Всю тяжелую работу будут делать слуги. Ты сможешь нанимать домоправителей и лакеев, сколько душа пожелает. Найми секретаря и повара, чтобы занимались нашими обедами и развлечениями. Ты получишь все, что нужно для приличного содержания дома. У тебя будет не только время для занятий, но и доход, ты сможешь приобретать нужные книги и свитки. А если тебе ради твоих штудий придется путешествовать, я дам тебе подходящих сопровождающих. Я искренне сожалею, что из-за меня ты потеряла возможность увидеть выход драконов из коконов. И обещаю, что если

ты примешь мое предложение, то сможешь поехать вверх по реке Дождевых чащоб и провести там столько времени, сколько тебе потребуется для изучения драконов. Решайся. Лучшей сделки тебе не найти.

Элис проговорила:

– Ты покупаешь меня в надежде упростить себе жизнь. Ты покупаешь меня за свитки и время на их изучение.

– Немного грубовато, но...

– Я согласна, – быстро сказала она и протянула ему руку, думая, что он поднесет ее к губам и поцелует. Или даже обнимет ее, Элис.

Вместо этого Гест с улыбкой пожал ей руку, как это делают мужчины, заключая уговор, а потом развернул ладонью вверх и вложил в нее драгоценный свиток. Свиток был тяжелым, – наверное, для сохранности его пропитали маслом. Запах тайн манил. Элис торопливо подхватила обретенную драгоценность другой рукой.

– С твоего позволения, я объявлю о нашем бракосочетании на летнем балу. Разумеется, после того, как попрошу дозволение у твоего отца, – с удовлетворением сказал Гест.

– Тебе вряд ли придется уговаривать его, – пробормотала Элис.

Прижав свиток к груди, как своего первенца, она думала о том, на что только что согласилась.

Когда Гест покидал скромный дом Кинкарронов, его каблуки звонко клацали на каждой каменной ступеньке. Седрик ждал его у коляски, запряженной пони. Юноша откинул каштановые волосы с глаз и улыбнулся другу. Широкая улыбка Геста предвещала хорошие новости. Маленькая лошадка подняла голову и негромко заржала.

– Ну что? – спросил Седрик вместо приветствия.

– Что, заждались меня, вы оба?

– Ну, ты пробыл там несколько дольше, чем должен был, – сказал Седрик, занимая свое место и берясь за вожжи. – Я думал, это означает поворот к худшему. В последнее время дело шло как-то не очень.

Длинноногий Гест легко вскочил на пассажирское сиденье коляски и со вздохом уселся:

– Ненавижу это изобретение. Спинка сиденья упирается в поясицу, а колеса подскакивают на каждой выбоине. Когда отец разрешит мне опять брать карету, благодарность моя будет велика.

Седрик цокнул лошадке и натянул вожжи:

– Это будет не скоро. Пока дороги в таком состоянии, коляска – лучшее средство передвижения. На ней можно проехать там, где улицы перегорожены. Золотой проезд уже неделю наполовину перекрыт штабелями древесины, потому что там ремонт. В Удачном еще столько всего надо разобрать и расчистить, прежде чем построить новое! На Большом рынке половина лавок – одни обгорелые стены.

– А летом запах гари усиливается. Я убедился. Вчера едва нашел чайную с открытой верандой, как тут же удрал из-за воню. Понятно, что ездить на коляске с пони сейчас разумнее. Точно так же разумно жениться на Элис Кинкаррон. Ни то ни другое мне не нравится, но приходится терпеть. Слушай, Седрик, я веду себя разумно всего несколько месяцев, но меня от этого уже тошнит. – Гест со стоном откинулся на низкую спинку, потом выпрямился и потер поясицу. – Самый неудобный транспорт в мире. И почему дом Кинкарронов так далеко от центра города?

– Вероятно, потому, что именно этот участок им изначально выделил сатрап. Здесь есть одно преимущество – налетчики и разбойники ленятся забираться так далеко.

– Неприкосновенность убогого домишки – слишком скудная плата за жизнь в такой дыре. Они когда-нибудь думали о том, чтобы переехать в район получше?

– Сомневаюсь, что у них есть такая возможность.

– Видимо, плохо планируют. Будь у них меньше дочерей, которым надо обеспечить приданое, у их сыновей положение было бы получше.

Седрик решил не обращать внимания на ворчание приятеля. Он легко управлялся с вожжами, направляя пони в обход ям на мостовой.

– Так что же, я должен тянуть из тебя подробности? Как твое ухаживание? Ты выяснил, почему дама проявляет такое пренебрежение к столь выдающейся добыче, как ты?

– Как ты и подозревал. Должен признать, что твоя способность собирать городские слухи тебя не подвела. Элис предпочла бы поехать вверх по реке Дождевых чащоб и посмотреть, как вылупляются драконы, а не идти со мной на бал. Она сама призналась, что одержима драконами. Явно смирилась с тем, что останется старой девой, и сама выбрала себе это необычное занятие. А тут появился я и не только вдребезги разбил ее мечту об одиночестве, но и лишил возможности увидеть выход драконов, зловредно пригласив на бал. Негодяй, да и только. Так что я расстроен.

Седрик посмотрел на своего друга, которого обычно ничто не задевало. Похоже, Гест не шутил.

– Так я должен все-таки тянуть из тебя, да? Ты чего-нибудь добился? Она пойдет с тобой на бал?

– О, и не только.

Гест потянулся, потом повернулся и одарил Седрика своей сияющей улыбкой. Зеленые глаза заговорщицки сверкали.

– Твое предложение насчет подарка сработало превосходно. Едва она взглянула на него – и тут же приняла мое предложение. Просить ее руки у отца будет чистой формальностью, она и сама так сказала. Так что поздравь меня, дружище. Я женюсь.

На последней фразе его голос угас и тон пришел в разительное противоречие со смыслом слов.

Седрик закусил губу, чтобы справиться с волнением.

– Поздравляю, – спокойно сказал он. – Желаю вам обоим счастья.

Гест ухмыльнулся:

– Ну, не знаю, как она, а я намерен быть счастливым. Потому что не собираюсь менять свою жизнь. И если она не дура, то тоже выберет счастье. Лучшего ей никто не предложит. Ах, да не смотри на меня с таким осуждением, Седрик. Ты сам сказал, что если я найду женщину, которая не будет от меня ожидать слишком многого, это будет прекрасный способ осчастливить мое семейство. Ты даже подсказал, что Элис Кинкаррон подойдет лучше всего. Я встретился с ней, убедился, что ты прав, и вот она моя. Со временем она наградит меня толстеньким карапузом, дабы он унаследовал имя и состояние, и тем гарантирует, что отец не сделает наследником моего кузена. Все мудро и очень практично и потребует от меня лишь самых малых усилий.

– Но тем не менее печально, – тихо отозвался Седрик.

– Почему печально? Мы все получим то, чего хотим.

– Не совсем. И это нечестно. – Он снова вздохнул. – Элис заслуживает лучшего. Она хороший человек. Добрый.

– Ты, дружище, слишком сентиментален. А честность сильно переоценивают. Да если мы тут, в Удачном, вдруг введем всеобщую честность, все торговцы через неделю станут нищими.

Седрик обнаружил, что ему нечего ответить.

– Зачем же ты подал мне эту идею, если не хотел, чтобы я ею воспользовался? – спросил Гест, словно бы защищаясь.

Седрик пожал плечами. На самом деле он не ожидал, что друг примет всерьез его циничное предложение, которое он сделал, чтобы слегка принизить своего кумира в собственных

глазах: «Есть старая поговорка: если хочешь быть счастливым, женись на уродине, и жена будет тебе благодарна всю жизнь».

– Я был пьян и зол из-за собственных неурядиц, – чувствуя себя неловко, сказал он. – Элис неплохой человек. И она не уродина. Ну, просто не красавица. По удачнинским понятиям. Но она добрая. Она ходила к моим сестрам в гости, когда мы были моложе. И хорошо относилась ко мне, когда другие девушки шарахались как от заразного.

– О да. Я и забыл, что ты был одно время пятнистым, – весело подначил его Гест. – Она, наверное, думала, что ты так и останешься с пятнами, в пару к ее веснушкам.

Седрик подавил улыбку:

– Одно время! Да мне казалось, что это на всю жизнь! Поэтому для меня было важно, что она хорошо обращается со мной, играет в карты или садится рядом за столом, если остается на обед. Тогда мы дружили. Теперь-то я не особенно хорошо ее знаю. Просто мне прекрасно известно, что она добрая и разумная, пусть и не красавица и состояния у нее нет. – Седрик тряхнул головой и отбросил с глаз непокорные волосы. – Я никогда не пожелал бы ей плохого. Я предположил, что она может стать тебе отличной и нетребовательной женой, но и мысли не допускал, что ты сделаешь ей предложение.

– Ну да, так уж и не допускал! – бессердечно возмутился Гест. – Ты был рядом со мной, пока я за ней ухаживал. И ты все это затеял: нашел ее, подсказал мне насчет подарка, который сделает ее поговорчивей. И должен тебе сказать, ты попал в самую точку! Пока не развернул свиток, я и не надеялся на успех. Но щедрый дар принес мне победу.

– Всегда к твоим услугам, – кисло отозвался Седрик.

Он пытался не думать о своей роли в интриге Геста, поскольку эта роль будто бы замарала его грязью. Элис была ему другом. О чем он думал в ту ночь, когда ее имя слетело с его заплетающегося языка? Ясно о чем. О себе и о том, как приятно жить под крылышком Геста Финбока. О том, как хорошо ничего не менять в жизни и обратить устремления другого к своей выгоде.

Седрик отбросил эти мысли и сосредоточился на том, чтобы провести лошадку вокруг ям. Жители Удачного, стараясь в первую очередь восстановить сожженные и разграбленные здания, совсем запустили дороги. Когда до них дойдут руки, на ремонт уйдет целый сезон. Седрик покачал головой. В последнее время ему казалось, будто весь город разрушается; все, чем гордился он, сын торговца Удачного, сейчас или лежало в руинах, или лишилось былой красоты, или изменилось до неузнаваемости.

После калсидийского набега Удачный погряз во внутренних раздорах, все старались свести старые счеты. Свара закончилась, однако восстановление города первое время продвигалось медленно, люди работали без огонька. Сейчас дела пошли лучше, потому что Совет торговцев взял власть в свои руки и стал следить за соблюдением законов. Народ понял, что отстраиваться стало безопасно, и после возобновления торговли многие нашли на это средства. Но новые здания казались не такими, как прежние, многие возведенные в спешке дома вышли чуть ли не одинаковыми. Седрик был не согласен с решением Совета, по которому большинство из тех, кто не принадлежал к старинным семействам торговцев, получили право участвовать в восстановлении города. Бывшие рабы, рыбаки и новые купчики теперь сливались с исконными семействами. Все менялось слишком быстро. Удачный никогда не будет таким, как раньше. Накануне Седрик жаловался на все это отцу, но тот совершенно ему не сочувствовал.

– Не будь дураком, Седрик. Ты преувеличиваешь. Удачный продолжает жить. Но он уже никогда не станет прежним, потому что Удачный никогда не был таким, как прежде, говоря твоими словами. Удачный стремится к переменам и меняется. И те из нас, кто способен меняться, будут процветать вместе с ним. Немного измениться нам не повредит. Умный человек из любой перемены может извлечь выгоду. И ты должен думать, как обратить перемены на пользу семьи.

Тут отец вынул изо рта свою короткую трубочку, указал ею на сына и требовательно спросил:

– Ты не думал, что, возможно, тебе самому стоит кое-что изменить к лучшему? Положение секретаря и правой руки Геста – это хорошо. Ты будешь встречаться со многими его торговыми партнерами. Тебе нужно подумать, как использовать эти связи. Не можешь ведь ты всю жизнь быть второй скрипкой при своем друге, какой бы крепкой ни была эта дружба и какую бы приятную жизнь ни обещала. Ты должен извлечь наибольшую выгоду из того, что имеешь, раз уж ты отверг все, что я мог тебе дать.

Седрик вздохнул. Отец всегда сводил любой разговор к тому, какой неудачник его сын.

– Это ты по мне вздыхаешь, приятель? – хохотнул Гест. – Седди, ты всегда думаешь обо мне самое плохое? Ты боишься, что я обманул бедную женщину, что сладкие речи и моя очаровательная улыбка вскружили ей голову?

– А разве нет? – настороженно спросил Седрик.

Он уже раскаивался, что предложил другу обратить внимание на Элис. И было больно слушать насмешки Геста.

– Вовсе нет. Ты напрасно себя коришь. Все к лучшему, дружище! – Гест похлопал его по плечу и наклонился поближе. – Она полностью все поняла. Нет, не сразу. Сначала она довела меня до того, что я чуть не растерялся: взяла и напрямик спросила, не является ли мое ухаживание шуткой или попыткой выиграть пари! Это меня повеселило, скажу я тебе. А потом я вспомнил, как ты говорил, что девица не промах и вообще разумна. Умная женщина – страшный, хоть и невеликий зверь. Итак, я быстренько пересмотрел свою стратегию. Все изменилось, когда я открыл ей свои карты. Я признался, что намерен жениться по расчету, даже сказал, что выбрал ее потому, что она, похоже, не заставит меня менять образ жизни. Ох, да не смотри на меня так! Конечно, я сделал все тактичнее, чем сейчас излагаю. Но никакой любви и привязанности. Вместо этого я предложил ей возможность нанимать слуг в дом, чтобы они выполняли всю работу, и средства на ее маленькое необычное увлечение.

– И она это приняла? Твое предложение брака на эдаких условиях?

Гест снова рассмеялся:

– Ах, Седрик, не все же такие романтики и идеалисты! Когда женщине предлагают выгодную сделку, она это понимает. Мы пожали друг другу руки, как порядочные торговцы, и делу конец. То есть начало. Она выйдет за меня замуж, я получу от нее наследника, отец перестанет докучать мне речами о том, как для него важно передать семейную мантию и право голоса достойному наследнику. Он угрожает, что сделает своим наследником моего кузена. А тот только и знает, что детишек строгать! У него уже два сына и дочь, хотя он на год моложе меня. Совсем человек удержу не знает. Я буду неописуемо рад, когда у меня родится сын от Элис и Чет пожалеет, что так усердно пыхтел над своей женой. Подожди, Чет еще поймет, что ему надо найти способ прокормить их всех, да без нашего состояния! – Он ударил себя по колену и откинулся назад, весьма довольный собой. Мгновение спустя он снова выпрямился и толкнул Седрика локтем. – Давай, Седрик, скажи что-нибудь! Ведь мы оба этого хотели! Жить для себя. Мы вольны путешествовать, развлекаться, гулять с друзьями – ничего не изменится. Жизнь прекрасна!

Седрик помолчал. Гест скрестил руки на груди и довольно посмеивался. Коляску подбросило на изрытом колеями перекрестке, и тут Седрик тихо спросил:

– И как же ты получишь от нее сына?

Гест пожал плечами:

– Задую все свечи и мужественно исполню свой долг. – Он безжалостно расхохотался. – Темнота порой – лучший друг мужчины. В темноте я могу представить вместо нее кого угодно. Даже тебя! – И он снова громко рассмеялся, заметив ужас на лице приятеля.

Оправившись от потрясения, Седрик едва слышно сказал:

- Элис заслуживает лучшего. Любой человек заслуживает.
– Лучше меня? Как тебе прекрасно известно, дружище, это невозможно. Лучше меня никого нет.

*Второй день месяца Возрождения,
седьмой год правления его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

Эрек, это четвертая птица с копией запроса. Пожалуйста, как можно скорее пришли обратно птицу с подтверждением, что ты его получил. Боюсь, что моих птиц бьют ястребы по дороге. В запечатанном футляре находится послание для Совета торговцев Удачного. Это четвертая копия запроса. Совет торговцев Дождевых чащоб спрашивает, что делать с юными драконами. Я уверена, что еще они требуют дополнительных средств для найма охотников. Надеюсь, что мои птицы у тебя и что это просто ваш Совет тянет с ответом.

Детози

Глава 4

Клятвы

– Еще только чуточку, – сказала мать.

Элис покачала головой:

– У меня и так на лице муки больше, чем в свадебном пироге. И в этом тяжеленном платье я уже вспотела. Мама, Гест знает, что у меня веснушки. Я уверена, что он предпочтет видеть их, а не показывать гостям толстый слой пудры на моем лице.

– А ведь я пыталась уберечь ее от солнца. Я предупреждала, чтобы она носила шляпу и вуаль, – пробормотала мать, отвернувшись.

Элис знала: мать нарочно сказала это достаточно громко, чтобы ее слова оказались услышаны. И вдруг осознала, что не будет скучать по таким вот чуть слышным замечаниям.

Будет ли она тосковать по родительскому дому?

Элис окинула взглядом свою крохотную спальню. Нет. Не будет. Ни по кровати, некогда принадлежавшей двоюродной бабке, ни по старым покрывалам, ни по лоскутному коврику. Она готова уйти из отцовского дома и начать новую жизнь. С Гестом.

При мысли о нем сердце чуть дрогнуло. Элис покачала головой. Не время думать о брачной ночи. Сейчас надо сосредоточиться на церемонии. Они с отцом как следует продумали ее обязательства по отношению к Гесту. Формулировки отшлифовывали несколько месяцев. Брачный контракт в Удачном составляют так же скрупулезно, как любой другой. И вот сегодня, в Зале Торговцев, перед семьями и гостями, условия этого контракта будут оглашены, прежде чем жених и невеста поставят под ним свои подписи. Все узнают об их с Гестом соглашении. Семья Финбок очень точно сформулировала свои требования, и некоторые заставили отца Элис хмуриться. Но в конце концов он посоветовал дочери принять их. Сегодня ей предстояло утвердить соглашение при свидетелях.

А потом, покончив с делами, новобрачные будут принимать поздравления.

И ночью скрепят свое соглашение.

Ею владели и радостное ожидание, и страх одновременно. Некоторые ее замужние подружки предупреждали, что расставаться с девственностью будет больно. Другие заговорщицки улыбались, шептали, что завидуют – ведь ей достался красивый жених, – дарили духи, лосьоны и кружевные ночные наряды. Было много разговоров о том, что Гест хорош собой, ловко танцует и что прекрасной фигурой он обязан верховой езде. Одна не слишком сдержанная подружка даже сказала: «Раз в одном седле хорош, то и в другом неплох!» – и захихикала. Так что, хотя во время ухаживания недоставало поцелуев украдкой и ласковых слов шепотом, Элис смела надеяться, что первая ночь разрушит сдержанность Геста и явит его скрытую страсть.

Элис обмахнула лицо небольшим кружевным веером. От веера шел тонкий аромат. Она последний раз глянула в зеркало.

Ее глаза сияли, на щеках играл румянец. Влюблена, как глупенькая девочка, подумала она и улыбнулась своему отражению. Какая женщина устояла бы перед чарами Геста? Он хорош собой, остроумен, приятен в беседе. Умеет выбирать подарки – они всегда оказывались очень уместными. Гест не только принял ее научные устремления – его свадебные подношения показывали, что в будущем он поддержит ее увлечение. Две превосходные ручки с серебряными перьями и тушь пяти цветов. Лупа, чтобы читать выцветшие строки старых рукописей. Шаль, расшитая змеями и драконами. Серьги из дымчатого стекла, по форме напоминавшие драконьи чешуйки. Каждая такая вещь приходилась как нельзя кстати. Элис подозревала, что подарки свидетельствуют о том, что он из-за своей сдержанности не облакает в слова. В ответ

она тоже оставалась сдержанной и учтивой, но в душе все теплее относилась к нему. Дневная сдержанность лишь подпитывала ее ночные фантазии.

Даже самая домашняя девушка втайне мечтает, чтобы мужчина полюбил ее душу. Гест прямо сказал ей, что их брак заключается по расчету. Но должен ли он таковым оставаться, думала Элис. Если она отдала себя ему, не способна ли она на большее – ради них обоих? За месяцы, прошедшие после помолвки, Элис обращала на Геста все больше внимания. Когда он говорил, она изучала форму его губ, когда он брал чашку чая – рассматривала его изящные руки, восхищалась широкими плечами, обтянутыми жакетом. Она перестала задумываться о причине этого и задаваться вопросом, придет ли к ней любовь, – напротив, она радостно отдавалась своей влюбленности.

Война разорила Удачный, так что, даже если бы ее родители и могли тратить деньги не считая, многого было просто не купить. И все равно этот день показался Элис сказочным. Ее не волновало, что свадебное платье перешито из бабушкиного, – это только придавало значительности событию. Цветы, которыми украсили Зал Торговцев, были не из теплиц и не из Дождевых чащоб, а из их собственного сада и от друзей. Две ее кузины будут петь, а отец – играть на скрипке. Все будет просто, честно и очень по-настоящему.

Брачную ночь Элис воображала на тысячу ладов. Она представляла Геста дерзким, а потом по-мальчишески стеснительным, нежным, восторженным или даже возмутительно непристойным, а то и требовательным. И каждый из этих вариантов подогревал ее желание и прогонял сон от ее постели. Что ж, всего через несколько часов она узнает. Элис поймала в зеркале свое отражение. Она улыбалась. Кто бы мог подумать, что Элис Кинкаррон будет улыбаться на собственной свадьбе?

– Элис? – В дверях стоял отец.

Она повернулась, и при виде мягкой печальной улыбки ее сердце дрогнуло.

– Дорогая, пора спускаться. Карета ждет.

Сварг стоял в крохотном камбузе. По кивку капитана он сел и положил большие грубые руки на край стола. Лефтрин со вздохом уселся напротив. День был длинный... нет, длинными были три последних месяца.

Дело требовало секретности, и от этого работы прибавилось вдвое. Лефтрин не рискнул куда-либо перетаскивать диводрево. Сплавить его по реке в более подходящее для распила место тоже было нельзя. На любом проплывающем мимо судне могли догадаться, что это за находка. Так что распилить «бревно» на пригодные для использования части следовало на месте, среди берегового ила и кустов.

Сегодня все было закончено. «Бревна» диводрева больше не существовало, последние куски были уложены в трюмы Смоляного вместо подстилки под груз. На палубе веселилась команда. Лефтрин решил, что самое время всем им обновить свои обязательства перед Смоляным. И все уже подписали корабельные бумаги. Оставался только Сварг. Завтра они спустят Смоляного на воду, вернуться в Трехог и оставят там плотников, которых они, готовясь к делу, тщательно выбирали и которые отлично справились с работой. Потом Смоляной и его команда вернуться на свой обычный маршрут по реке. А пока пускай все празднуют. Большая работа была позади, и Лефтрин понял, что ни о чем не жалеет.

На столе стояли бутылка рома и несколько стеклянных стаканчиков. Два из них прижили свиток, рядом были чернильница и перо. Еще одна подпись – и Смоляному ничто не грозит. Лефтрин внимательно разглядывал речника, сидевшего напротив. Простая рубаха рулевого была выпачкана илом и смолой. Под ногти набилась серебристая древесная пыль, а по щеке расплзлось грязное пятно – видать, поскреб недавно.

Лефтрин мысленно улыбнулся. Он и сам, скорее всего, такой же грязный. Весь день пришлось заниматься работой, к которой никто из них не был привычен. Сварг проявил себя как

нельзя лучше. Он по собственной воле примкнул к сговору и работал без жалоб, за что Лефтрин всегда его ценил. Настало время дать ему это понять.

– Ты не жалуешься. Ты не ноешь и не ищешь виноватого, когда что-то идет не так. Ты просто берешь и делаешь что можешь, чтобы все снова стало как надо. Ты верен и осмотрителен. Поэтому я и держу тебя на борту.

Сварг снова покосился на стаканчики, и Лефтрин уловил намек. Он открыл бутылку и плеснул обоим понемножку.

– Тебе лучше отмыть руки, а уж потом есть и пить, – посоветовал он рулевому. – Эта грязь может быть ядовита.

Сварг кивнул и тщательно вытер руки о рубашку. Они выпили, и Сварг наконец ответил:

– Навсегда. Я слышал, как другие об этом толковали. Ты просишь меня подписаться и навсегда остаться на Смоляном. До самой смерти.

– Верно, – сказал Лефтрин. – И я надеюсь, они упомянули, что твоя доля тоже станет больше. С новым корпусом нам уже не понадобится такая большая команда, как раньше. Но я не собираюсь урезать жалованье, и каждый матрос на борту будет получать равную долю. Как тебе это?

Сварг кивнул, но смотреть ему в глаза избегал.

– До конца жизни – это очень долго, кэп.

Лефтрин рассмеялся:

– Кровь Са! Сварг, ты десять лет со Смоляным. Для человека из Дождевых чащоб это уже половина вечности. Так почему подпись на пергаменте стала камнем преткновения? Это выгодно нам обоим. Я буду знать, что заполучил хорошего рулевого до тех пор, пока Смоляной на плаву. А ты будешь уверен, что никто не решит однажды, будто ты слишком стар для работы, и не оставит на берегу без гроша. Ставишь подпись здесь, и моего наследника это обязательство касается точно так же, как меня. Ты даешь мне слово, подписываешь вместе со мной бумаги, и я обещаю, что, пока ты жив, мы со Смоляным, о тебе позаботимся. Сварг, на что ты можешь рассчитывать, кроме этого корабля?

– Почему обязательно навсегда, кэп? – гнул свое Сварг. – Почему теперь я либо должен пообещать плавать с тобой до конца жизни, либо уйти?

Лефтрин подавил вздох. Сварг хороший человек и отличный рулевой. Он умеет читать реку, как никто другой. В его руках Смоляной чувствует себя превосходно. В последнее время корабль претерпел множество перемен, поэтому Лефтрин не хотел искать нового рулевого. Он прямо посмотрел в лицо Сваргу.

– Тебе ведь известно: то, что мы сделали с диводревом, запрещено. И наше дельце должно остаться тайной. Думаю, лучший способ сохранить тайну – сделать так, чтобы всем, кто к ней причастен, было выгодно молчание. И держать всех причастных в одном месте. До того как мы приступили к делу, я позволил уйти тем, кого не считал преданными мне и сердцем и душой. Сейчас у меня небольшая и тщательно отобранная команда, и я хочу, чтобы ты в нее входил. Дело в доверии, Сварг. Я держусь за тебя, потому что в юности ты строил корабли. Я знал, что ты сможешь нам сделать то, что нужно для Смоляного, и не разболтаешь лишнего. Но вот дело сделано, и я хочу, чтобы ты оставался его рулевым. Всегда. Если я возьму на борт нового человека, он немедленно догадается, что на этом корабле творится нечто не совсем обычное, даже для живого корабля. И я не буду знать, можно ли доверить этому человеку нашу тайну. Вдруг он окажется болтуном, решит, что у него получится выжимать из меня деньги за молчание. И тогда мне придется сделать кое-что, что мне очень не хотелось бы делать. Поэтому я предпочел бы тебя, причем на срок как можно дольше. На всю жизнь, если ты подпишешь эту бумагу.

– А если не подпишу?

Лефтрин помолчал. До сих пор до такого торга дело не доходило. Ему казалось, он верно отобрал людей. Он и представить себе не мог, что Сварг станет колебаться. И Лефтрин спросил напрямик:

– Почему не подпишешь? Что тебе мешает?

Сварг помялся. Посмотрел на бутылку и отвел глаза. Лефтрин молчал. Его собеседник был неразговорчив. Лефтрин налил себе и ему еще рома и терпеливо ждал.

– Есть одна женщина, – наконец произнес Сварг и снова умолк.

Посмотрел на стол, на капитана и опять на стол.

– И что? – спросил Лефтрин.

– Я хочу попросить ее выйти за меня замуж.

У Лефтрина упало сердце. Он не в первый раз терял хорошего матроса, покидавшего корабль ради жены и дома.

В недавно отремонтированном и обновленном Зале Торговцев еще пахло свежим деревом и лаком. Для церемонии скамьи сдвинули к стенам, освободив всю середину зала. Послеполуденное солнце било в окна, свет квадратами ложился на полированный пол и дробился пятнами на гостях, собравшихся, чтобы засвидетельствовать брачные клятвы. Большинство было облачено в официальные наряды фамильных цветов. Были тут и люди с Трех Кораблей – видимо, торговые партнеры семьи Геста, и даже женщина из татуированных в длинном одеянии из желтого шелка.

Геста еще не было.

Элис сказала себе, что это не важно. Он придет. Он все это устроил и вряд ли отступит. Она от всей души желала, чтобы ее платье было посвободнее, а день – попрохладнее.

– Ты такая бледная, – шепнул ей отец. – С тобой все в порядке?

Элис подумала о толстом слое пудры, которой мать обсыпала ей лицо, и улыбнулась:

– Все хорошо, папа. Я просто слегка нервничаю. Может, нам немного пройтись?

Они под руку неторопливо двинулись через зал. Гости один за другим здоровались с ней и желали всего хорошего. Некоторые уже отведали пунша. Другие открыто изучали условия брачного контракта. Два свитка были разложены на длинном столе в центре зала. В серебряных канделябрах горели белые свечи – чтобы прочитать мелкие строчки, требовалось много света. Одинаковые черные перья и чернильница с красными чернилами ждали их с Гестом.

Это была особая традиция Удачного. Брачный контракт надлежало тщательно рассмотреть, зачитать вслух и подписать обеим семьям, и только потом следовал сам обряд бракосочетания, куда более краткий. Элис видела в этом некоторый смысл. Они здесь все торговцы, – разумеется, их свадьбы должны быть продуманы так же тщательно, как сделки.

Элис не осознавала, как сильно она переживает, пока не услышала шум подъезжающей кареты.

– Это он, – шепнула она отцу.

– Да уж пора бы, – недобрым тоном отозвался тот. – Мы, может, и не так богаты, как Финбоки, но Кинкарроны такие же торговцы, как и они. Не стоит нас принижать. И оскорблять – тоже.

Только тут Элис поняла, как он боялся, что Гест не явится. Бросит ее, и контракт останется неподписанным. Она заглянула в глаза отца и увидела гнев пополам со страхом. Страх перед возможным унижением, страх перед тем, что ему придется забрать никому не нужную дочь домой. Элис отвернулась. Даже ее собственный отец не верит, что Гест в нее влюбился и хочет жениться.

Она вдохнула настолько глубоко, насколько позволяло это туго облегающее платье, выпрямила спину, и решимость вернулась. Она не придет больше в отцовский дом, не станет неудачницей. Никогда. Любой ценой.

И тут дверь зала широко распахнулась, и в нее хлынули люди Геста в официальных одежках. Они расположились на ступеньках – вся эта толпа друзей и деловых партнеров. В центре стоял Гест. От одного взгляда на него у Элис забило сердце. Его волосы были небрежно взъерошены, на скулах горел румянец. Жакет из темно-зеленого джамелийского шелка подчеркивал плечи. Белый шейный платок был заколот булавкой с изумрудом – и тот яркостью сияния уступал зеленым глазам Геста.

Когда их взгляды встретились, его лицо вдруг застыло, улыбка угасла. Элис удержала его взгляд, требуя переменить отношение к ней прямо сейчас. Вместо этого он серьезно посмотрел на нее и кивнул, словно подтвердил что-то сам для себя. Дюжина доброжелателей рванула вперед, чтобы немедленно поздравить жениха. Гест двигался между ними, как корабль по волнам, – не грубо, но не давая себя остановить или втянуть в разговор. Подойдя к Элис и ее отцу, он официально поклонился обоим. Удивившись, Элис изобразила торопливый реверанс.

Когда она выпрямилась, Гест подал ей руку, но улыбнулся при этом ее отцу и сказал:

– Полагаю, она теперь моя?

Элис протянула ему руку в ответ.

– Полагаю, сначала надо подписать контракт, – весело сказал отец.

Один жест Геста – и тревоги отца как не бывало, тот сделался добродушным и сиял от гордости при виде того, что такой богатый и красивый мужчина так уверенно забирает у него дочь.

– Вот именно! – воскликнул Гест. – И я предлагаю немедленно приступить к этому. На долгие формальности у меня не хватит терпения. Эта дама уже и так заставила меня ждать!

Элис вздрогнула. В толпе гостей раздались смешки и восхищенный ропот. Гест, по обыкновению очаровательный, быстро провел ее через весь зал к столу.

Как того требовала традиция, они заняли места по разные стороны от стола. Седрик Мельдар поднес Гесту чернильницу. Подружкой Элис вызвалась быть ее старшая сестра Роза. Они шагали в ногу вдоль длинного стола и читали вслух условия брачного контракта. Согласившись с очередным пунктом, они подписывали его. Дойдя до конца стола, новобрачные наконец встанут рядом, и родители их благословят. Свитки с контрактами бережно посыпят песком и высушат, а затем свернут и передадут в архивы Зала. Вопросы о распоряжении приданым или наследстве для детей редко бывали предметом спора, но именно потому, что сохранялись записи.

В этих строчках не было ничего романтического. Элис зачитала вслух, что в случае безвременной смерти Геста до появления у него наследника она откажется от его имущества в пользу его кузена. Гест в ответ зачитал и подписал пункт, по которому его вдове будет выделена личная резиденция на землях, принадлежащих его семье. В случае если Элис умрет, не родив наследника, небольшой виноградник, который составлял все ее приданое, должен вернуться к ее младшим сестрам.

Были там и пункты, типичные для всех удачливых брачных контрактов. После свадьбы супруги имели право голоса в финансовых делах. Также согласовали сумму личных средств, а на случай увеличения или уменьшения состояния предусматривался резерв. Супруги обещали хранить верность друг другу и свидетельствовали, что у них до сих пор не было детей. Один раз Элис потребовала возвращения к старой формуле, согласно которой полноправным наследником становился первый ребенок независимо от его пола. Ей понравилось, что Гест не возражал, и когда она вслух прочитала пункт, на котором настояла – что ей дозволяется совершить путешествие в Дождевые чащобы для изучения драконов и что время путешествия будет назначено позднее, – он поставил свою подпись с завитушкой. Элис смахнула слезы радости, дабы они не оставили следов на ее напудренном лице. Что она сделала, чтобы заслужить такого мужчину? Она поклялась быть достойной его великодушия.

Условия договора были точными, без неясностей, и свидетельствовали о том, что идеальных браков не бывает. Этим условиям оказалось бесконечное множество. Учитывалась каждая мелочь, ни одна деталь не считалась настолько личной, чтобы ее нельзя было включить в контракт. Если Гест заведет ребенка на стороне, такой ребенок не унаследует ничего, а Элис при желании сможет немедленно разорвать брачное соглашение и получить половину нынешнего состояния Геста. Если же Элис будет уличена в неверности, Гест имеет право не только выгнать ее из дома, но и оспорить отцовство всех детей, рожденных после измены, а финансовая ответственность за этих детей будет возложена на отца Элис.

Пункт за пунктом. Были условия, по которым супругам дозволялось разорвать договор по взаимному согласию; шли описания проступков, делающих договор недействительным. И каждый пункт надо было прочитать и поставить под ним две подписи. Часто процесс занимал несколько часов. Но Геста это не устраивало. Он читал все быстрее и быстрее, явно горя желанием поскорее разделаться с этой частью церемонии. Элис втянулась в игру и читала с той же скоростью, что и он. Поначалу некоторые из гостей оскорбились, но потом, разглядев румянец Элис и лукавую улыбку, то и дело скользившую по лицу Геста, тоже заулыбались.

За рекордно короткое время Гест и Элис добрались до конца стола. Элис задыхалась, проговаривая последнее условие своей семьи. И наконец дошла до заключительного, стандартного:

– Я буду хранить себя, свое тело и привязанности, сердце и верность только для тебя.

Гест повторил эти слова, и они показались ей лишними – после всего, что уже было обещано друг другу. Они поставили подписи. Вернули письма сопровождающим. И, наконец избавившись от утомительных формальностей, взялись за руки и шагнули туда, где стол их больше не разделял. Они повернулись к родителям. У Геста руки были теплыми, у Элис – холодными. Он бережно сжимал ее пальцы, как будто боялся повредить, если сожмет покрепче. Она принадлежала ему, ее благополучие было в его руках.

Их благословили – сначала матери, потом отцы. Мать Геста говорила куда дольше, чем мать Элис, призывая Са дать им процветание, счастливый дом, здоровье и долгую жизнь, здоровых почитательных детей – список все рос и рос. Элис чувствовала, что ее улыбка застывает.

Наконец благословения кончились, и жених с невестой повернулись друг к другу. Поцелуй. Это будет ее первый поцелуй, и она вдруг поняла, что Гест откладывал его до этого момента. Она сделала глубокий вдох и подняла к нему лицо. Он посмотрел на нее сверху вниз. Его зеленые глаза были непроницаемы. Элис почувствовала его дыхание, когда их губы соприкоснулись. Гест поцеловал ее – легчайшим прикосновением. Как будто колибри махнула крыльшком возле губ.

Дрожь пробежала по телу Элис, и она задержала дыхание, когда жених отступил от нее. Ее сердце громко стучало.

«Он дразнит меня», – подумала она и не смогла не улыбнуться.

Гест отводил глаза, но по его лицу скользнула лукавая улыбка. Жестокий человек. Он заставил ее признаться самой себе. В том, что она желает того же, чего и он.

«Скорее бы ночь», – подумала она и искоса взглянула на красивое лицо своего мужа.

– Понятно. Расскажи о ней, – сказал Лефтрин, когда молчание слишком затянулось.

Сварг вздохнул, посмотрел на него и улыбнулся. Лицо его преобразилось. Тяжесть лет словно исчезла, а голубой блеск в глазах казался почти мягким.

– Ее зовут Беллин. Она... ну, я ей нравлюсь. Она играет на свирели. Мы встретились пару лет назад в одной таверне в Трехоге. Ты знаешь это место – «У Ионы».

– Знаю. Там торгует речной народ.

Лефтрин склонил голову набок и посмотрел на своего рулевого, с трудом удержавшись от вертевшегося на языке вопроса. Женщины, которых он встречал в таверне Ионы, были по

большей части шлюхами. Некоторые выглядели вполне ничего, но, преуспевая в своем деле, не собирались расставаться с ним ради одного мужчины. Может, на Сварга нашло затмение, его охмурили? Лефтрин чуть было не спросил, уж не отдал ли Сварг ей деньги – «отложить на дом». Он не раз видел, как доверчивые матросы попадались на этот трюк.

Но рулевой опередил его – должно быть, заметил сомнения капитана.

– Беллин из речных. Она там была со своей командой, заказывала выпить и горячего. Она работает на барке «Сача», которая ходит между Трехогом и Кассариком.

– Чем она занимается?

– Она багорщица. В этом-то и загвоздка. Когда я в порту, ее нет. Когда она – нет меня.

– Если вы поженитесь, это не изменится, – заметил Лефтрин.

Сварг уперся взглядом в стол:

– В прошлый раз, когда мы встречались с Беллин в порту, капитан «Сачи» предложил мне работу. Сказал, что, если я хочу сменить корабль, он возьмет меня рулевым.

Лефтрин разжал кулаки и, стараясь быть сдержанным, спросил:

– И ты согласился? И не предупредил меня, что можешь уйти?

Сварг разглядывал пальцы, вцепившиеся в край стола, потом без приглашения налил себе и Лефтрину еще рома.

– Я ничего не ответил, – сказал он, опрокинув стаканчик. – Твоя правда, кэп, я на Смоляном уже десять лет. А Смоляной – живой корабль. Я знаю, я не член семьи, но мы связаны. Мне нравится чувствовать его на воде. Это как холодком пробирает, будто знаешь прежде, чем увидишь. «Сача» – отличная барка, и все же она всего лишь деревяшка. Уйти со Смоляного будет тяжело. Но...

– Но ради женщины ты это сделаешь, – мрачно произнес Лефтрин.

– Мы хотим пожениться. Родить детей, если получится. Ты только что сам сказал, кэп. Десять лет – это половина вечности для человека Дождевых чащоб. Я не молодею. Беллин – тоже. Нам стоит поспешать.

Лефтрин молчал, взвешивая возможности. Он не мог отпустить Сварга. Не сейчас. И без того полно дел, не время заставлять Смоляного привыкать к новому рулевому. Нужен ли ему еще один член команды? У него есть Хеннесси, чтобы работать на палубе и орудовать багром, тощая маленькая Скелли, Большой Эйдер и он сам. Сварг на руле – Лефтрин на это надеялся. Нет, еще один человек в команде – это неплохо. Это даже может приумножить движущую силу Смоляного. Да, вот и выход. Может сработать. Он подавил улыбку, в уме подсчитал финансы и принял решение.

– Она и вправду хороша? – спросил он у Сварга и, увидев, что тот обиделся, пояснил: – Как багорщица? Отрабатывает свою долю? Может справиться с делом на баркасе размером со Смоляного в случае чего?

Сварг глянул на него. В его глазах мелькнула надежда. Он торопливо отвел взгляд, уставившись в стол, словно пытался скрыть свои мысли от капитана.

– Она хороша. Не какая-нибудь пигалица. Беллин – крепкая женщина, у нее есть мясо на костях. Знает реку и знает свое дело. – Он поскреб в затылке. – Смоляной намного больше, и он живой корабль, это существенная разница.

– Так ты полагаешь, что она справится? – Лефтрин закинул приманку.

– Конечно. – Сварг помедлил, потом выпалил почти яростно: – Ты говоришь, она может войти в команду Смоляного? Что мы сможем быть вместе на Смоляном?

– Ты предпочел бы быть с ней на «Саче»?

– Нет. Нет, конечно.

– Тогда спроси ее. Я не буду настаивать, чтобы ты подписал бумаги, пока их не согласится подписать она. Но условия те же. На всю жизнь.

– Ты еще не видел ее.

– Я знаю тебя, Сварг. Раз ты полагаешь, что останешься с ней на всю жизнь, то я вполне уверен, что и мне она подходит. Так что спроси ее.

Сварг потянулся за пером и бумагой.

– Не надо, – сказал он, макая перо в чернильницу. – Она всегда хотела служить на живом корабле. А какой матрос не хочет?

И поставил четкую, разборчивую подпись, навсегда связав свою жизнь со Смоляным.

Многие из присутствовавших на свадебной церемонии отметили румянец на щеках Элис. А когда гости перешли в их новый дом на свадебный обед, Элис едва отведала медового пирога и не следила за разговорами. Обед тянулся бесконечно долго, и она не запомнила почти ничего из того, что ей говорили. Она смотрела только на Геста, который сидел на другом конце длинного стола. На его пальцы, сжимающие бокал с вином, на то, как он облизывает пересохшие губы, на упавшую на лицо прядь волос. Неужели этот обед никогда не кончится и все эти люди никогда не уйдут?

Как предписывала традиция, когда Гест и его гости удалились в кабинет выпить бренди, Элис учтиво попрощалась со своими гостями и отправилась в супружескую спальню. Ее сопровождали мать и Софи – чтобы помочь снять тяжелое платье и нижние юбки. Элис и Софи уже давно не связывала такая близкая дружба, как раньше, но раз Седрик был дружкой Геста, следовало пригласить его сестру в подружки невесты. Мать наговорила множество добрых напутствий и вернулась к отцу провожать гостей. Софи задержалась, помогая завязать множество бантиков в кружевах воздушного ночного одеяния. Потом Элис села, а Софи помогла ей распустить волосы, причесать и уложить их по плечам.

– Я смешно выгляжу? – спросила у старой подруги Элис. – Я ведь обыкновенная. Эта ночная сорочка, наверное, смотрится на мне нелепо?

– Ты выглядишь как невеста, – ответила Софи.

В ее глазах была печаль. Элис понимала почему. Сегодня, с ее замужеством, их прежняя девическая жизнь окончательно оставалась в прошлом. Они теперь обе замужние женщины. Несмотря на предвкушение брачной ночи, Элис на краткий миг почувствовала сожаление.

«Я больше никогда не буду девушкой, – подумала она, – никогда не буду ночевать в родительском доме».

И вдруг осознала, что это несет лишь облегчение.

– Волнуешься? – спросила Софи, встретившись с Элис взглядом в роскошно обрамленном зеркале.

– Все в порядке, – ответила Элис и попыталась сдержать улыбку.

– Странно будет делить дом на троих?

– Ты имеешь в виду Седрика? Нет, конечно! Он всегда был мне другом, поэтому замечательно, что у них с Гестом хорошие отношения. Я мало кого знаю из круга Геста и очень рада, что в новой жизни рядом со мной будет старый друг.

Софи пристально посмотрела ей в глаза. Как показалось Элис, с удивлением.

Наклонив голову к подруге, Софи сказала:

– Ну, ты всегда все делала хорошо! Думаю, что мой брат будет счастлив иметь такого товарища, каким ты ему всегда была! А я вряд ли сделаю тебя красивей, чем ты сейчас. Ты выглядишь такой счастливой. Ты и вправду счастлива?

– Да, так и есть, – уверила ее Элис.

– Тогда я ухожу, желаю всего наилучшего. Спокойной ночи, Элис.

– Спокойной ночи, Софи.

Оставшись одна, Элис села перед зеркалом. Взяла щетку и еще раз провела ею по своим темно-рыжим волосам. Эта женщина в кружевном пеньюаре ей едва знакома. Все-таки мать напудрила ее весьма искусно – веснушки почти не видны, и не только на лице, но и на груди

и плечах. Элис подумала, что ей остался один шаг до той жизни, которую она даже не могла вообразить с тех пор, как перестала быть мечтательным ребенком. Внизу музыканты играли последнюю песню с пожеланиями спокойной ночи. Окно в спальне было открыто. Элис слышала, как разъезжаются гости. Она пыталась набраться терпения – ведь Гест должен оставаться внизу, пока не проведет всех. Наконец она услышала, как в последний раз хлопнула дверь и ее родители пожелали доброй ночи отцу Геста. Ну вот, все ушли, Элис была в этом уверена. Она вновь sprysнула себя духами. Отъехали две кареты. Элис задула половину ароматических свечей, и комната погрузилась в сумрак. Внизу все затихло. В спальне, освещенной свечами, полной благоухающих цветов в изысканных вазах, новобрачная ждала своего мужа. Ждала с сильно бьющимся сердцем, прислушиваясь, когда же прозвучат на лестнице его шаги.

Она ждала. Ночь становилась все темнее. И холоднее. Элис накинула мягкую шаль и пересела в кресло у очага.

Смолк стрекот вечерних насекомых. Крикнула одинокая ночная птица. Ожидание сменилось беспокойством, беспокойство – тревогой, а потом и недоумением. Пламя в очаге угасало. Элис подбросила еще полено, задула свечи в извилистых серебряных канделябрах и зажгла другие. Она сидела, поджав под себя ноги, в мягком кресле у очага и ждала, когда придет ее жених, чтобы предъявить свои права на нее.

Когда полились слезы, Элис не смогла сдержать их. Когда они иссякли, скрыть их следы на напудренном лице не удалось. Поэтому она смыла всю маскировку, посмотрела на свое настоящее лицо в зеркале и спросила себя: как она могла оказаться такой дурой? Гест с самого начала ясно изложил свои условия. Это она выдумала глупую сказку о любви и укутала его холодную железную решетку их сделки. Его не за что винить. Виновата только она сама.

Ей следовало просто раздеться и лечь в постель.

Вместо этого она снова села у огня и смотрела, как пламя пожирает полено и затухает.

Далеко за полночь, уже при проблесках утра, когда догорала последняя свеча, пришел ее муж. Пьяный. Волосы всклокочены, шаг нетвердый, ворот нараспашку. Он удивился, что она ждет его у догорающего огня. Окинул Элис взглядом, и она вдруг застеснялась того, что он видит ее в девственно-белой ночной рубашке с искусной вышивкой. Его губы дернулись, и она увидела на миг, как блеснули его зубы.

Он отвернулся и невнятно проговорил:

– Что ж, тогда приступим.

Он не подошел к ней. Направился к кровати, раздеваясь на ходу. Жакет и рубашка упали на толстый ковер, а он остановился у четырех еще горевших свечей и разом задул их все. Стало темно. Элис ощутила сильный запах крепкого спиртного.

Она слышала, как скрипнула под его телом кровать. Раздался глухой удар, потом еще один – он скинул ботинки на пол. Шорох ткани подсказал, что следом отправились брюки. Постель просела, когда он навзничь упал на нее. Элис не сдвинулась с места, застыв от потрясения, смешанного со страхом. Все ее радостные предвкушения, все ее глупые романтические мечтания исчезли. Она вслушивалась в его дыхание.

Потом он заговорил, и в голосе его слышалось мрачное веселье:

– Нам обоим будет удобнее, если ты тоже ляжешь в постель.

Кое-как она встала с кресла и подошла к нему, удивляясь про себя, зачем она это делает. Может быть, ее ожидания были неоправданно завышены из-за недостатка опыта в таких делах? Отойти от очага было все равно что броситься в холодную реку. Она подошла к кровати. Он не сказал ей ни слова. В комнате было темно, он не мог ее видеть.

Спустя некоторое время Гест вяло бросил:

– Если мы собираемся с этим закончить, то тебе придется раздеться и лечь в постель.

Ее пеньюар спереди был весь на бантиках. Пока она развязывала их, разочарование становилось все горше. Какая она все-таки была дура – дразнила себя мыслями о том, как его

пальцы развяжут каждый бантик по очереди. Что за глупые надежды она питала, надевая это облачение, – а всего-то несколько часов назад оно казалось ей таким женственным и соблазнительным. Она выбрала дурацкую одежду и пыталась играть роль, которой никогда не соответствовала. Конечно, думала Элис, Гест это понял. Такая, как она, не имеет права на все эти шелка и ленты. Для нее нет ни романтических чувств, ни даже похоти. С его стороны это обязанность. Ничего больше. Она вздохнула и уронила пеньюар с плеч на пол, откинула покрывала и легла на своей стороне кровати. Она ощутила, что Гест повернулся к ней лицом.

– Ну... – сказал он, дыша ей в лицо винными парами. – Ну... – Он вздохнул и тут же набрал в грудь воздуха. – Ты готова?

– Кажется, да, – сумела ответить она.

Он подвинулся ближе. Она повернулась к нему и замерла, вдруг испугавшись его прикосновения. Ей было стыдно, что, несмотря на страх, она ощутила и теплоту. Страх и желание. Она с отвращением вспомнила двух своих приятельниц, которые без конца рассуждали, что калсидийские налетчики могут их изнасиловать. Элис было ясно видно: эта опасность их и страшит, и приятно возбуждает. Тупицы, думала она тогда, они фантазируют о разврате и насилии.

И вот теперь, когда рука Геста легла ей на бедро, она невольно вздохнула. Доселе ни один мужчина не касался ее обнаженного тела. Мысль об этом заставила ее вздрогнуть. Его хватка стала крепче, пальцы впились в тело, подтягивая ее ближе, и она тихо вскрикнула от страха. Элис слышала, что в первый раз может быть больно, но не боялась, что ее муж будет груб с ней. До этого момента не боялась.

Гест коротко хмыкнул, как будто вдруг обнаружил что-то приятное.

– Не так уж и трудно, – пробормотал он. (А может быть, «не так уж и дурно».)

Элис не успела подумать, что бы это значило, как он внезапно перевернул ее на спину и взгромоздился сверху. Всунул ей колено между бедер и раздвинул ноги.

– Ну что, готово, – сказал он и вошел в нее.

Она пыталась подстроиться под него. Комкала простыни, будучи не в силах его обнять. Боль, о которой ей рассказывали, была, против ее опасений, не такой сильной, но и удовольствие, о котором ей шептали и которого она легковерно ждала, не пришло. Она даже не была уверена, что самому Гесту приятно. Он быстро добрался до конца, который она с ним не поделила, и сразу же отодвинулся от нее. Его член мазнул по ее бедру, оставив влажный след. Она чувствовала себя испачканной. Когда муж лег на свою половину кровати, Элис подумала: заснет он или отдохнет и сделает еще одну попытку, уже не такую натужную?

Гест не сделал ни того ни другого. Он полежал, переводя дыхание, затем скатился с кровати и нашел теплое одеяние, приготовленное для него. Элис скорее слышала, чем видела, как он его надел, потом увидела проблеск света от свечи под колпаком из прихожей. Затем дверь за ним закрылась, и брачная ночь кончилась.

Она некоторое время лежала не двигаясь. Ее трясло. Она не плакала. Ее тошнило. Она обтерла бедро и промежность простыней с его стороны постели, а затем перекатилась на чистое место. Делала глубокий вдох и медленно выдыхала. Постепенно дыхание становилось все спокойней – она считала до трех, задерживая выдох.

– Я спокойна, – сказала она вслух. – Мне не больно. Все в порядке. Я выполняю условия своего брачного контракта. – Подумала и добавила: – Он тоже.

Потом встала, подбросила в очаг еще полено. Раздула угли и задумалась, глядя, как разгорается огонь. В оставшиеся до рассвета часы она размышляла о том, каким безрассудством было соглашаться на эту сделку. Она поплакала. Подавила разочарование, боль от унижения и сожаление. Пришла мысль убежать отсюда и пойти домой, но Элис тут же отказалась от нее.

Куда – домой? К отцу? К расспросам, скандалам, и чтобы мать требовала пересказать ей мельчайшие подробности того, что ее огорчило? Элис представила себе, какое лицо будет у

отца. И еще – шепоток на рынке, в лавках и разговоры, умолкающие при ее появлении. Нет. Ей некуда идти.

Еще до восхода солнца Элис отбросила прочь свои девичьи мечты и свое негодование. Ни то ни другое не могло помочь ей. Взамен она вернула образ практичной старой девы, которой собиралась стать. Прекраснодушная девица не сможет вынести то, что свалилось на нее. Лучше задвинуть ее куда подальше. Но увлеченная делом старая дева способна смиренно принять судьбу и оценить предлагаемые ею преимущества.

Когда солнце поцеловало небеса, Элис поднялась и вызвала горничную. Свою собственную горничную, да, – хорошенькую девушку с маленькой татуировкой в виде кошки у носа. Татуировка указывала, что девушка когда-то была рабыней. Горничная принесла чай и травяной настой для глаз. Элис потребовала горячий завтрак по своему вкусу – и его доставили на прелестном эмалированном подносе. Пока Элис ела, горничная разложила на выбор несколько красивых новых платьев.

Во второй половине дня Элис явилась на первый из предстоящих приемов в честь новобрачных. На ней было скромное бледно-зеленое платье с белыми кружевами, обманчиво простое и очень дорогое. Она весело улыбалась и мило краснела, когда подруги матери шептались, что семейная жизнь ей идет. Вершиной стало появление Геста – аккуратно одетого, но бледного и с блуждающим взглядом.

Он опоздал. Встал в дверях гостиной и явно искал ее. Элис улыбнулась и помахала ему. Похоже, он удивился окружавшему ее благополучию и тому, что она почти не обратила внимания на его торопливые извинения шепотом – насчет «состояния» ночью. Она просто кивнула и занялась гостями. Она приложила все усилия, чтобы быть очаровательной, и даже блистала остроумием.

Как ни странно, это оказалось не так уж трудно. Когда Элис принимала решение, мир внезапно становился проще. А она решила, что будет тщательно выполнять свои обязательства по сделке. И присмотрит, чтобы Гест исполнял свои.

На следующий день Элис вызвала плотников, которые превратили изящную комнату для рукоделия рядом со спальней в библиотеку. Крохотный белый с позолотой столик она заменила на большой и тяжелый, из темного дерева, со множеством ящиков и отделений для бумаг. Через несколько недель книготорговцы и антиквары усвоили, что, прежде чем выставлять новые приобретения на публику, их следует сначала показать ей. Через полгода полки и подставки для свитков в ее библиотеке были заполнены. Элис решила, что раз уж она продала себя, то, по крайней мере, не продешевила.

*Семнадцатый день месяца Дождей,
восьмой год царствования его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
второй год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

В футляре два запроса. Первый адресуетя всем, с просьбой указать, не видел ли кто из моряков или крестьян драконицу Тинталю, ибо она не появлялась в Дождевых чащобах уже несколько месяцев. Второй – Совету торговцев Удачного, напоминание, что тем, кто ухаживает за драконами и охотится для них, нужны средства. Ответ ожидают как можно скорее.

Эрек, мои глубочайшие соболезнования по поводу твоей утраты. Я знаю, с какой радостью ты ждал свадьбы Фари. Весть о ее безвременной кончине безмерно печалит меня. Это тяжелые времена для всех нас.

Детози

*Десятый день месяца Возрождения,
восьмой год царствования его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
второй год Вольного союза торговцев*

*От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

Запечатанный свиток – послание Совету торговцев Дождевых чащоб в Трехоге и Кассарике от Совета торговцев Удачного с требованием полного отчета о средствах, израсходованных на содержание молодых драконов. Без отчета больше никаких денег для кассарикского Совета выделено не будет.

Детози, почти половина птенцов, вылупившихся за последний месяц, – с кривыми лапами. Тебе когда-нибудь доводилось с таким сталкиваться? Слышала ли ты о лечении? Боюсь, что причина – в плохом питании, однако проклятый Совет жалеет денег на покупку зерна и сушеного гороха, которые так необходимы для здоровья птиц. Они душат нас налогами, чтобы отстроить дороги и гавань, но совершенно глухи к просьбам о пропитании птиц!

Эрек

*Двадцать третий день месяца Рыбы,
девятый год царствования его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
третий год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

В запечатанном свитке – месячный отчет о средствах, потраченных Советом Дождевых чащоб в Трехоге и Кассарике, и запрос к Совету торговцев Удачного насчет их доли расходов. С другой птицей ты получишь послание, которое по нашему требованию несут все корабли, – о назначении вознаграждения за сведения о драконнице Тинталье.

Эрек, моя кузина Сетин ищет место ученика для своего сына Рейала. Рейал – ответственный парень, ему четырнадцать лет, и у него уже есть опыт ухода за почтовыми птицами. Рекомендую его тебе. Знаю, ты не из тех, кто придает значение таким вещам, но все же спешу уверить тебя, что он парень весьма подходящий и может заниматься делом, не создавая неприятностей и не проявляя излишнего любопытства по поводу посетителей твоей голубятни. Если у тебя есть место для ученика, мы бы с радостью послали его к тебе за наш счет вместе с молодыми птицами для обновления удачинской стаи. Он ждал места в Кассарике – они там завели свой птичник и свою стаю, – но туда взяли двух татуированных. Дождевые

чащобы уже не те, что были раньше! Пожалуйста, пришли мне ответ с отдельной птицей, только для меня.

Детози

*Семнадцатый день месяца Перемен,
четвертый год Вольного союза торговцев*

*От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

В запечатанном футляре – предупреждение об опасности от Совета торговцев Удачного Совету торговцев Дождевых чащоб в Кассарике и Трехоге. В Удачном обнаружили мастерскую фальшивомонетчиков, они подделывали торговые грамоты и разрешения на путешествия по реке Дождевых чащоб. Рекомендовано быть осторожнее в торговле, особенно с чужеземцами, тщательно проверять лицензии.

Детози, пишу это в тревоге за моего ученика и твоего племянника Рейала. В последний год он был на редкость предан птицам, надежен и добросовестен. Однако недавно в ущерб работе сдружился с юнцами – торговцем, трехкорабельщиком и татуированным, проводящими время за игрой и кутежами. Если он и дальше будет водить компанию с ними, то едва ли станет честным тружеником. Я сделал ему суровое предупреждение, но полагаю, что нарекание от его собственной семьи может подействовать сильнее. Если он не будет добросовестно исполнять свою работу, боюсь, мне придется отправить его домой без рекомендаций.

С сожалением,

Эрек.

*Четырнадцатый день месяца Надежды,
пятый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

Запечатанное послание – от торговца Гошена Деррену Савтеру, в поселение Трех Кораблей, касательно груза твердой древесины, не пришедшего вовремя.

Эрек, прошу прощения у тебя и Рейала за опоздание денег на его содержание. Сердечно благодарю, что ты помог ему. Были ужасные итормы, всюду по реке грузы задерживались, пострадало много людей и птиц. Дай моей Китте отдохнуть перед возвращением. Деньги за Рейала придут, как только Харди зайдет в удачный порт.

С благодарностью,

Детози.

Глава 5

Ложь и вымогательство

Лефтрин стоял на палубе и смотрел, как приближается лодка с калсидийского корабля. Ялик низко сидел в воде, отягощенный людьми – дородным купцом и гребцами – и мешками с зерном. На фоне трехмачтового корабля, от которого шел ялик, баркас «Смоляной» выглядел маленьким. Поэтому-то Лефтрин и отказался к ним приблизиться. Если калсидийцы хотят с ним торговать, пусть являются к нему так, чтобы можно было посмотреть на них, прежде чем они взойдут на борт. Похоже, ни у кого из сидящих в ялике не было оружия.

– Ты не собираешься взглянуть на их груз, пока они не передали его нам? – спросил Сварг.

Лефтрин облокотился о перила и покачал головой:

– Если им нужно мое золото, пусть сами доставляют товар.

Лефтрин не любил калсидийцев и не доверял им. Он не рискнул бы подняться на палубу их корабля, где с честным человеком могут обойтись вероломно. Сварг неторопливо шевелил рулевым веслом, без труда удерживая баркас на месте и не давая течению сносить его. Светлые воды Дождевой реки растворялись в черноте глубокой бухты. Лефтрин никогда не заводил Смоляного так далеко. В основном он, как его отец и дед, вел торговлю между поселениями, разбросанными в верхнем и нижнем течении реки. Открытое море и чужие берега – не для него. Он и в устье реки-то бывал всего несколько раз, обычно когда на связь с ним выходил надежный посредник. Да и на это Лефтрин шел только ради съестных припасов, без которых людям чащоб было не прожить. Он не имел возможности привередничать и выбирать, с кем вести дела в устье реки, но всегда был настороже. Мудрый торговец знает, в чем разница между сделкой и дружбой. С калсидийцами – всегда только дело, никакой дружбы, а торговцу, который с ними меняется товарами, хорошо бы иметь глаза на затылке. Формально между двумя странами теперь мир, но с Калсидой он никогда не длится долго.

Лефтрин с подозрением смотрел на приближающийся ялик. На веслах, кажется, сидели обыкновенные моряки, да и мешки с зерном ни на что другое не походили. И все равно, когда лодка подошла к баркасу и с нее перебросили конец, Лефтрин велел ловить его Скелли, самой младшей в команде. Сам он остался у ограждения, оглядывая людей в ялике. Большой Эйдер маячил рядом, почесывая черную бороду, и тоже глядел на лодку.

– Не спускай глаз с матросов, – тихо сказал ему Лефтрин. – Я присмотрю за купцом.

Эйдер кивнул.

Ступеньки были вделаны прямо в борта «Смоляного». Калсидиец легко взобрался по ним, и Лефтрину пришлось признать: тучная фигура не мешала купцу двигаться быстро и ловко. На нем был плащ из тюленьей шкуры, подбитый алым. Широкий кожаный пояс с серебряной отделкой стягивал шерстяную рубаху. Морской ветер развеивал плащ, но мужчина не обращал на это внимания.

«Он не только купец, но и моряк», – понял Лефтрин. Оказавшись на борту, гость сурово кивнул Лефтрину и получил в ответ учтивый поклон. Он перегнулся через борт и по-калсидийски выкрикнул несколько команд своим гребцам, потом развернулся обратно к Лефтрину:

– Приветствую, капитан. Мои матросы поднимут на борт образцы пшеницы и ячменя. Я уверен, ты убедишься в высоком качестве моих товаров.

– Поглядим, купец, – приветливо, но твердо сказал Лефтрин, улыбаясь.

Калсидиец оглядел пустую палубу:

– А твой товар? Я ожидал, что мне предоставят его для проверки.

– Монеты проверить недолго. У меня в каюте есть весы. Предпочитаю платить по весу, а не по номиналу.

– Не возражаю. Короли и их чеканка появляются и исчезают, но золото остается золотом, а серебро – серебром. Однако, – тут он понизил голос, – в устье этой реки ищут не золото и не серебро. Меня интересуют товары из Дождевых чащоб.

– Тогда езжай в Удачный. Все знают, что это единственное место, где можно их приобрести.

Лефтрин смотрел через плечо калсидийца, как один из его людей взбирается на палубу. Эйдер встретил его, но мешок не принял. Рядом стояла Беллин с тяжелым багром наготове. Она выглядела куда внушительнее Эйдера, не прилагая к тому никаких усилий.

Чужеземный гребец тащил тяжелый мешок с зерном на плече. Сделав два шага от борта, он свалил ношу на палубу, затем вернулся за другим мешком. Мешки с виду были добротными, из хорошей пеньки, без отметин соли и сырости. Но это еще не означало, что во всех них хорошее зерно. Лефтрин сделал непроницаемое лицо.

Калсидиец придвинулся к нему на полшага:

– О да, так говорят. Но некоторые слышали и о другом товаре и других сделках. О тайных сделках с большой выгодой для обеих сторон. Наш посредник упомянул, что ты слынешь опытным капитаном и толковым торговцем, что ты владец самого доходного баркаса на свете. По его словам, если кто и может предложить те особые товары, которые я ищу, так это ты. Или, по крайней мере, подскажешь, с кем мне об этом поговорить.

– Прямо так и сказал? – поинтересовался Лефтрин учтивым тоном.

Теперь гребец вытащил на палубу еще один мешок – такой же прочный и без изъянов, как и первый. Лефтрин кивнул Хеннесси, и помощник капитана открыл дверь рубки. На палубу вышел Григсби, рыжий корабельный кот.

– Да, именно так, – ответил купец твердо, но тихо.

Лефтрин смотрел на кота через плечо купца. Чертова скотина вцепилась когтями в палубу «Смоляного», потянулась и поскребла доски, оставляя отметины. Потом кот двинулся к капитану, словно прогуливаясь перед работой. Подойдя к незнакомым мешкам, он мимоходом обнюхал их, потерся об угол одного, заявив о своем праве собственности, и отправился на камбуз. Лефтрин криво усмехнулся и одобрительно кивнул. Если бы от мешков хоть самую малость пахло грызунами, кот проявил бы к ним куда больше интереса. Так что это зерно с чистого корабля. Отлично.

– Особые товары, – тихо повторил купец. – Он сказал, что у тебя что-то имеется.

Лефтрин резко повернул голову и, встретив испытующий взгляд купца, нахмурился. Но калсидиец неверно истолковал это.

– Любые, даже самые мелкие чешуйки. Ключок шкуры, – он еще понизил голос, – кусок кокона.

– Если ты хочешь это купить, то выбрал не того человека, – прямо заявил Лефтрин.

Капитан повернулся к гостю спиной, подошел к мешкам с зерном, опустился на одно колено и снял с пояса нож. Врезав двойной шов горловины, он запустил руку внутрь, перекачивая зернышки в ладони. Это было хорошее зерно, чистое, без мякины и соломы. Лефтрин высыпал его обратно в мешок и достал еще горсть из самой глубины – зерно оттуда оказалось не хуже. Он положил несколько зерен в рот и разжевал.

– Высушено на солнце для пущей сохранности, но не пересушено и не потеряло запаха и вкуса, – сообщил купец.

Лефтрин коротко кивнул. Он ссыпал зерно обратно, отряхнул ладони и перешел к следующему мешку. Разрезал узел, раскрыл мешок, достал горстку. Наконец сел на корточки, проглотил разжеванный ячмень и сказал:

– Хорошее зерно. Если и остальной груз такой же, мне повезло. Как только сторгуемся, можете начинать грузить. Я оставляю за собой право отказаться от любого мешка и буду проверять каждый, как только его поднимут на палубу.

Купец неторопливо кивнул в ответ – и соглашение было формально заключено.

– Твои условия легко принять. А теперь не пройти ли нам в твою каюту – договориться о цене за мешок зерна и, возможно, обсудить другие сделки?

– Можем и здесь поторговаться, – заметил Лефтрин.

– С твоего позволения, в каюте удобнее, – ответил купец.

– Как угодно.

Пару раз Лефтрин возил запрещенные товары. Сейчас у него ничего не было, но он позволил этому человеку сделать противозаконное предложение. Возможно, если отказать и намекнуть, что об интересе гостя станет известно тем, кто принимает решения в Дождевых чащобах, купец станет сговорчивее и снизит цену. Лефтрин не видел в подобной тактике ничего зазорного, – в конце концов, перед ним был калсидиец. У них нет чести. Лефтрин жестом пригласил гостя в крохотную каюту – он был уверен, что хорошо одетый купец ужаснется обстановке.

– А пока мы беседуем, я прикажу моим людям перегрузить зерно на твой баркас.

– До того, как мы договоримся о цене? – удивился Лефтрин.

Это предложение давало ему слишком много преимуществ. Если он затянет торг до тех пор, пока на борту его судна не окажется бо́льшая часть груза, а потом откажется от условий купца, калсидийцу придется заставлять свою команду перегружать все обратно.

– Уверен, мы сойдемся на справедливой цене, – спокойно ответил тот.

«Ну ладно, – подумал Лефтрин. – Коли видишь выгоду, упускать ее не след».

– Хеннеси! – крикнул он через плечо. – Осмотри с Григсби все мешки. Сосчитай их. Не стесняйся проверять, если заметишь недовес, пятна и мышьиные следы. Как только всё погрузят, постучись ко мне.

Когда они вошли в каюту и сели – Лефтрин на свою койку, купец в единственное кресло у небольшого стола, – гость не утратил уверенности.

Он оглядел скромное помещение, снова слегка поклонился и сказал:

– Я хочу, чтобы ты знал мое имя. Я – Синад из дома Арих. Мои предки занялись торговлей задолго до основания Удачного. Нам не по нраву войны, они сталкивают наши страны и мешают торговать. И вот теперь, когда вражда утихла, мы торопимся установить связи с торговцами реки Дождевых чащоб напрямую. Мы намерены основать предприятие, которое впоследствии, как мы надеемся, будет выгодно обеим странам. А именно – немногочисленное сообщество избранных, куда входили бы только солидные торговцы.

Хотя Лефтрин относился к калсидийцам с предубеждением, прямота этого человека его приятно поразила. Он достал бутылку рома и два стаканчика, которые держал в каюте на случай переговоров. Стаканы были старинными, тяжелыми, темно-синего цвета. Когда он наливал ром, на полоске у края стаканов вспыхнули серебряные звездочки. На купца это произвело сильное впечатление. С кратким возгласом изумления он стремительно подался вперед, не дожидаясь приглашения, схватил свой стакан и поднес его к свету. Пока он разглядывал бесценную вещь, Лефтрин сказал:

– Я Лефтрин, капитан и владелец речного баркаса «Смоляной». Я не знаю, чем занималась моя семья, когда мы покинули Джамелию, и по мне, так это не особо-то и важно. Сейчас я хожу на этом баркасе. Торгую. Если ты честный человек с хорошим товаром, мы заключим сделку и в следующий раз я еще охотнее буду вести с тобой дело. Но я в своей торговле не выделяю никого. Мои деньги получает тот, кто предложит лучшие условия. Ладно, перейдем к нашему делу. Сколько ты хочешь за мешок пшеницы, а сколько – за ячмень?

Калсидиец поставил стакан на стол, так и не пригубив.

– А что ты предлагаешь? За вещи вроде этих... – он постучал ногтем по стакану, – я готов отдать тебе превосходный товар.

– В этот раз я торгую только за монету. Серебро и золото, по весу, а не по чеканке. И ничего другого.

Стаканы были работы Старших. У Лефтрина имелось несколько подобных сокровищ: женская шаль, источающая тепло, несгораемая шкатулка, издающая звон и испускающая свет, стоит только откинуть крышку, и другие вещицы. Большинство из них много лет назад купил дед для своей жены. Лефтрин хранил их в тайнике под койкой. Ему нравилось, сидя в скромной каюте, наливать ром в эти стаканчики, каждый из которых стоил целое состояние.

Синад Арих откинулся на спинку кресла. Оно скрипнуло под его весом. Купец пожал широкими плечами:

– Монета вполне годится для зерна. Я пользуюсь монетами любой чеканки. За деньги можно купить что угодно. Вот, например, зерно. А в прошлый раз я посетил Удачный со своими монетами и купил на них сведения.

Лефтрин невольно вздрогнул. Этот человек не сделал ни одного угрожающего движения, но его прежние слова о «самом доходном баркасе» приобрели зловещий смысл. Лефтрин сидел откинувшись в своем кресле. Он улыбался, однако его светлые глаза оставались серьезными.

– Сговоримся о цене за зерно, и дело с концом. Я бы хотел направиться вверх по реке с приливом.

– Я тоже, – отозвался Синад.

Лефтрин отпил из своего стаканчика. Ром согрел, но стекло непривычно охладило пальцы.

– Хочешь сказать, что к приливу надеешься снова выйти в море?

Синад вежливо пригубил из своего стаканчика.

– О нет. Я весьма точен в том, что хочу сказать, особенно когда говорю на чужом для меня языке. Я надеюсь, что мы договоримся о цене на мое зерно и твои услуги и что ты проводишь меня вверх по реке.

– Я не могу. Тебе должны быть известны наши правила и законы. Ты ведь не просто чужой здесь, ты калсидец. Чтобы посетить Дождевые чащобы, тебе следует получить разрешение от Совета торговцев Удачного. А чтобы торговать с нами, нужна лицензия от Совета Дождевых чащоб. Без подорожных у тебя нет права подниматься по реке.

– Они у меня есть – я ведь не дурак. С оттиском и печатями, подписанные пурпурными чернилами. У меня есть и рекомендательные письма от нескольких удачных торговцев, которые свидетельствуют, что я честный, уважаемый торговец. Хоть и из Калсиды.

По спине Лефтрина побежала струйка пота. Если этот человек и в самом деле имеет все бумаги, как утверждает, то он или чудотворец, или великий мастер шантажа. За всю жизнь Лефтрин не помнил случая, чтобы калсидец законно посетил Дождевые чащобы. Он сомневался, что калсидийцы вообще знают, что такое законная торговля. Нет. Этот человек неприятен и опасен. И он выбрал Лефтрина и «Смоляной». Плохо.

Синад бережно поставил ополовиненный стаканчик на стол, улыбнулся и очень обыденно сказал:

– Твой корабль восхищает меня. Странно: казалось бы, здесь нужна дюжина гребцов. Однако, я слышал, в твоей команде всего шесть человек, считая тебя самого. Удивительно для баркаса такого размера! Не менее странно, что твой рулевой может без видимых усилий удерживать его на месте в устье реки.

Он снова взял стаканчик и поднес к окошку, словно любясь звездочками.

– Я переделал корпус, и баркас стал лучше.

Вторая струйка пота поползла по спине. Кто проболтался? Конечно, Генрод. Лефтрин слышал несколько лет назад, что тот перебрался из Трехога в Удачный. Как подозревал Леф-

трин, Генрод потратил на этот переезд то, что ему заплатили за работу над Смоляным. Этот человек был удивительным мастером и умел работать с диводревом. Четыре года назад Лефтрин щедро, очень щедро заплатил ему и за мастерство, и за молчание. Результат трудов превзошел все ожидания Лефтрина, и теперь он с замиранием сердца вспомнил, как Генрод не раз плакался, что его «величайшая работа останется тайной и будет погребена навеки». Генрод предал Лефтрина не за звонкую монету, а из тщеславия.

«Ну, тщедушный гад, только попадись он мне теперь, – подумал Лефтрин, – я его узлом завяжу».

Калсидиец пристально изучал собеседника:

– Уверен, я не единственный, кто это заметил. Могу представить, как твои товарищи-торговцы завидуют новообретенным качествам корабля. Несомненно, они уже плешь тебе проели, пытаясь узнать секрет переделки корпуса. Ибо если ты настолько улучшил такой старый корабль – а мне говорили, что это одно из первых торговых судов, построенных из чудесного драконьего дерева, – то и они, я уверен, желают сделать то же самое со своими кораблями.

Лефтрин надеялся, что не выдал себя внезапной бледностью. Он вдруг засомневался, что источником сведений был Генрод. Резчик мог похвастаться работой над Смоляным, но он был торговцем до мозга костей и не стал бы болтать кому попало о происхождении и выдающемся возрасте Смоляного. Калсидийца снабдил сведениями кто-то еще. Лефтрин попытался было выведать у него имя этого человека.

– Торговцы уважают секреты друг друга, – только и сказал калсидиец.

– Неужели? Тогда они не похожи на тех, кого я знаю. Все торговцы, что мне попадались, всегда стремились вызнать преимущества своих конкурентов. Иногда и золото предлагали. А когда золото не действовало, я слышал, прибегали и к насилию.

– Ни деньги, ни сила не помогут заполучить то, что мне нужно, – покачал головой Синад. – Ты неверно меня понял. Я не собираюсь прибегать ни к тому, ни к другому, но скажу, что сделка уже совершилась и я знаю о тебе и твоём корабле все, что мне нужно знать. Будем говорить прямо. Великий герцог Калсиды уже немолод. И с каждым годом – нет, с каждой неделей – его одолевают все новые болезни. Самые опытные и прославленные целители со всех концов страны пытались его лечить. Немало лекарей поплатилось жизнью за неудачу. Так что теперь рассудительность побуждает многих из них говорить о лекарствах из частей драконьих тел как о последней надежде для герцога. Лекари просят герцога простить их за отсутствие нужных ингредиентов и обещают, что, как только те будут добыты, они сразу же приготовят эликсиры, которые вернут правителю молодость, красоту и силу. – Купец вздохнул. Он смотрел в окошко, блуждая взглядом где-то в пространстве. – Так что ярость герцога перекинулись с целителей на торговые дома Калсиды. Почему, спрашивает он, они не могут доставить то, что ему нужно? Они все предатели? Они желают ему смерти? Сначала он предлагал нам золото. Когда это не помогло, взялся за монету куда действеннее – за кровь. Теперь ты видишь, что я имею в виду? Вы можете презирать нас, калсидийцев, сколько угодно, однако мы тоже любим свои семьи... Заботимся о старых родителях и растим детей... Пойми, друг мой: чтобы защитить свою семью, я на все пойду.

Во взгляде калсидийца отчаяние сражалось с холодной безжалостностью. Он был опасен. Он явился на корабль один, без оружия, но теперь Лефтрин понял, что оружие у него все-таки было.

Капитан откашлялся и сказал:

– Давай определим разумную цену за зерно, и на этом, я полагаю, наша сделка закончится.

Синад улыбнулся:

– Ты заплатишь тем, что проведешь меня по реке и дашь хорошие отзывы обо мне своим друзьям. Если тебе не под силу достать то, что мне нужно, представь меня тому, кто сможет это сделать. Взамен получишь зерно и молчание о твоих тайнах. Бывают ли сделки лучше этой?

Изысканный завтрак был сервирован великолепно. Обильные остатки трапезы, рассчитанной на троих, красовались на столе, застланном белой скатертью. Блюда накрыли в тщетной попытке сохранить их теплыми. Элис сидела за столом в одиночестве. Ее тарелки уже унесли. Она налила себе еще чая и стала ждать.

Элис напоминала себе паука, который притаился на краю паутины и ждет, когда ему в ловушку попадет муха. У нее не было привычки засиживаться за едой. И Гест это знал. Как подозревала Элис, именно поэтому ее муж зачастую так поздно выходил к столу. Но сейчас она рассчитывала дожидаться Геста – и возможности поговорить с ним с глазу на глаз.

В последнее время Гест явно избегал ее – не только за столом, но везде, где они могли остаться наедине. Элис не страдала от этого. Напротив, она была рада, что может спокойно поесть и в особенности что он не тревожит ее ночью в постели.

Но сегодня, к несчастью, все оказалось иначе. Гест пришел в ее спальню на рассвете, разбудив ее громким хлопком двери. От него пахло крепким табаком и дорогим вином. Он снял халат, бросил его в изножье и улегся рядом с Элис. В темноте она видела только смутный силуэт.

– Иди сюда, – приказал он ей, как собаке.

Элис не сдвинулась с места, по-прежнему лежа на краю кровати.

– Я спала, – возразила она.

– Ты уже не спишь, мы тут вдвоем, так что давай заделаем милого ребеночка, чтобы мой отец порадовался. А? – В его голосе слышалась горечь. – Вот все, что нам нужно, дорогая Элис. Так что давай помогай мне. Это недолго, потом можешь снова заснуть. А с утра опять транжирить мои деньги у торговцев свитками.

Все стало ясно. Он был у отца, и тот опять ворчал, что до сих пор нет наследника. А Элис накануне купила не один, а два древних свитка, довольно дорогих. Оба были с островов Пряностей. Она не смогла разобрать в них ни слова, но поняла, что на рисунках изображены Старшие. Вполне логично, подумала Элис: если Старшие в древние времена жили на Проклятых Берегах, у них были торговые партнеры, которые могли оставить записи о сделках. Она давно искала такие старые записи. Свитки с островов Пряностей оказались первой стоящей находкой. Цена неприятно поразила, но заполучить их было необходимо. И Элис заплатила.

А ночью ей пришлось заплатить еще раз – и за то, что нет детей, и за то, что она умножает свою библиотеку. Если бы Элис не засиделась допоздна над последними приобретениями, то Гест просто получил бы свое. Но она устала, и ее вдруг сильно задело отношение мужа к этой стороне их жизни.

И она сказала то, чего раньше никогда не говорила:

– Нет. Может быть, завтра ночью.

Он уставился на нее. Сквозь темноту она ощущала его злой взгляд.

– Это не тебе решать, – грубо сказал он.

– Но и не тебе одному, – возразила она и вознамерилась встать с кровати.

– Сегодня, сейчас, – сказал он и внезапно схватил ее за руку, повалил на спину и прижал к постели всем телом.

Она попыталась вырваться, но он впился пальцами ей в плечи и удержал. Элис поняла, что сбежать не получится.

– Пусти! – яростно захрипела она.

– Сейчас! – с нажимом повторил он. – Если не будешь сопротивляться, я не сделаю тебе больно.

Он солгал. Даже после того, как она уступила и отвернулась, он не ослабил хватку и грубо вошел в нее. От боли и унижения Элис казалось, что ему потребовалась вечность. Она не плакала. Когда он откатился от нее и сел на краю кровати, она лежала молча, с сухими глазами.

Он посидел в темноте и тишине, потом встал. Послышался шелест ткани – он оделся.

– Если нам повезло, то не придется больше проходить через такое, – сухо сказал он.

Никогда он не говорил с ней так искренне.

Гест ушел. Уснуть Элис не смогла и провела остаток ночи, размышляя об их поддельном браке. Вообще, муж редко бывал так груб с ней. Их отношения в постели были обезличенными и деловыми. Гест приходил в спальню, объявлял о намерениях, совокуплялся с ней и уходил. За четыре года он ни разу не оставался с ней спать. Никогда не целовал ее, не касался ее тела с желанием.

Она пыталась угождать ему. Мазалась благовониями, перебирала ночные рубашки разных фасонов. Даже попыталась быть соблазнительной – пришла как-то вечером к нему в кабинет и попробовала его обнять. Он не оттолкнул ее. Просто встал, сказал, что занят, проводил до выхода и захлопнул за ней дверь. Элис заплакала и убежала к себе.

Месяц спустя она снова осрамилась. Когда Гест взобрался на нее, она его обняла и потянулась поцеловать. Он отвернулся. Повинуясь телу, она попыталась, насколько это было возможно, получить удовольствие от прикосновений мужа. Тот не отозвался на ее готовность и, закончив, откатился, игнорируя ее намерение обняться.

– Пожалуйста, Элис, не ставь нас обоих в глупое положение, – спокойно сказал он и закрыл за собой дверь.

При мысли о тех неудавшихся попытках соблазнения кровь бросилась ей в лицо. Безразличие Геста всегда ранило Элис, но прошлой ночью, когда он показал, что может, если пожелает, применить силу, ей пришлось окончательно признать весь ужас своего положения. Гест изменился. В последний год он стал вести себя с ней резче. Начал на людях отпускать колкости на ее счет. Те мелкие знаки внимания, которые каждая женщина вправе ожидать от своего мужа, совершенно исчезли. Раньше он хоть и через силу, но проявлял заботу о ней при посторонних, предлагал руку, когда они шли рядом, подсаживал в карету. Теперь ушло и это.

Прошлой ночью безразличие впервые сменила жестокость.

Даже драгоценные свитки с островов Пряностей не стоят того, что ей пришлось вынести! Пора покончить с этой игрой. У нее есть свидетельства его неверности. Пришло время заявить о них, чтобы объявить недействительным брачный контракт.

Свидетельства были весьма очевидны. Первым стал счет, который по ошибке принесли ей, а не Гесту. То оказался счет за очень дорогой лосьон, которого Элис никогда не покупала. На ее вопрос продавец предъявил заказ на доставку, подписанный Гестом. Элис заплатила и сохранила все бумаги. Позже обнаружилось, что Гест платит за аренду домика за городом, среди мелких хозяйств, где в основном обитали поселенцы с Трех Кораблей. Последним в списке стало новое кольцо, которое она этой ночью заметила у Геста на руке, – оно царапало ей кожу, когда тот держал ее за руки. Гест любил украшения и часто носил кольца. Но он предпочитал массивное серебро, а это кольцо было золотым, с небольшим камнем. Элис точно знала, что сам Гест вряд ли купил бы себе такое.

Теперь ей все сделалось ясно. Гест женился на ней, только чтобы успокоить семью. Чтобы предъявить всему свету достойную жену из старинного семейства торговцев. Финбоки никогда не приняли бы невестку из семьи поселенцев с Трех Кораблей и никогда не признали бы ее ребенка своим наследником. Лосьон наверняка был подарком любовнице. Кольцо – ее подарком. Гест изменил. Он нарушил контракт, и Элис может воспользоваться этим, чтобы освободиться от супружества.

Ее ждет бедность. Конечно, будет отступное от его семьи, но Элис не обманывала себя – на этот доход она не сможет жить так, как жила в доме мужа. Ей придется переехать на клочок

земли, который достался ей в приданое, и вести скромную жизнь. Разумеется, у нее будет ее работа и...

Дверь открылась. Вошел Седрик, он над чем-то смеялся и отвечал Гесту через плечо. Потом повернул голову и увидел ее:

– Доброе утро, Элис!

– Доброе утро, Седрик.

Слова сами слетели с языка, это была привычная любезность.

Гест посмотрел на нее. Он был недоволен, что жена все еще здесь, за столом. И тут Элис словно со стороны услышала собственный голос:

– Ты мне изменил. Это делает недействительным наш брачный контракт. Дай мне уйти тихо, иначе я пойду в Совет торговцев и предъявлю свои доказательства.

Седрик в этот момент как раз садился. Он шлепнулся на стул и в ужасе уставился на нее. Элис вдруг стало неловко, что ему приходится при этом присутствовать.

– Ты не обязан оставаться, Седрик. Прошу прощения, что вынудила тебя участвовать в этом.

Она выбирала официальные слова, но дрожащий голос перечеркнул все усилия.

– В чем – в этом? – требовательно спросил Гест и поднял бровь. – Элис, я впервые слышу эту чушь, и если ты не дура, то больше не услышу! Вижу, ты уже поела. Почему бы тебе не уйти и не оставить меня в покое?

– А ты разве ушел, оставив меня в покое сегодня ночью? – с горечью выдохнула она. – Я все знаю, Гест. Догадаться было нетрудно. Дорогой лосьон. Домик в стороне, где живут люди с Трех Кораблей. Кольцо, которое ты носишь. Одно к одному. – Она перевела дыхание. – У тебя любовница из поселенцев?

Седрик задохнулся от изумления. Но Гест ничуть не встревожился:

– Какое кольцо? Все это вздор, Элис! Своими обвинениями ты оскорбляешь нас обоих. На его руке не было ничего. Не важно.

– То, которое было у тебя ночью. Могу показать царапины от камня, если хочешь.

– Только этого не хватало! – отрезал он, сел к столу и принялся снимать крышки с блюд. Зачерпнул ложкой омлет, глянул на него и сбросил обратно. Потом откинулся на спинку стула и посмотрел на нее:

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Как будто его действительно заботило ее самочувствие!

– Ты собрала странную коллекцию мелких фактов и истолковала их в оскорбительном ключе. Кольцо, которое ты видела ночью, принадлежит Седрику. Откуда ты взяла, что оно мое? Он оставил его на столе в трактире. Я надел его, чтобы не потерять, и отдал ему сегодня утром. Ты довольна? Спроси его самого, если хочешь. – Гест поднял крышку следующего блюда и пробормотал: – Что за идиотизм, да еще перед завтраком...

Он наколот вилкой несколько колбасок и стряхнул их себе на тарелку. Седрик не сдвинулся с места и не произнес ни слова.

– Седрик! – резко выкрикнул Гест.

Тот встрепенулся, удивленно посмотрел на Геста и повернулся к Элис:

– Да. Я купил это кольцо. А Гест вернул его мне. Так все и было.

На него было жалко смотреть.

Гест расслабился и невозмутимо позвонил в колокольчик для прислуги. Пришла горничная. И он указал на стол:

– Это отвратительно. Принеси чего-нибудь горячего. И свежий чай. Седрик, ты будешь чай?

Седрик едва глянул на него, и Гест фыркнул:

– Седрику тоже чай.

Когда за горничной закрылась дверь, Гест обратился к своему секретарю:
– Объясни насчет лосьона, Седрик. И моего предполагаемого домика любви.
Седрик выглядел так, будто ему вдруг стало дурно.

– Лосьон – подарок...

– Для моей матери, – прервал его Гест. – А домик – для Седрика. Он сказал, что у него должна быть личная жизнь, и я согласился. Скромное жилье для моего секретаря – это совершенно нормально. И если он захочет там развлекаться, если к нему будет кто-то ходить – не мое дело. И не твое, Элис. Он мужчина, и у него свои нужды. – Он откусил кусок сосиски, прожевал и проглотил. – Честно говоря, я потрясен. Представить только – моя жена роется в моих бумагах в надежде отыскать какой-нибудь мерзкий секрет. Что тебя тревожит, женщина? Почему тебе в голову приходят такие мысли?

Элис осознала, что ее колотит. Неужели все так легко объяснить? Не могла ли она ошибиться?

– Ты тоже мужчина, и у тебя тоже нужды, – сказала она дрожащим голосом. – Но ты редко приходишь ко мне. Ты игнорируешь меня.

– Я занятой человек, Элис. И у меня много дел, помимо твоих... э-э... твоих плотских желаний. Стоит ли говорить об этом при Седрике? Если ты не щадишь моих чувств, пощади его.

– У тебя должна быть другая. Я знаю, что есть! – выкрикнула она.

– Ты ничего не знаешь, – с отвращением ответил Гест. – Но узнаешь. Седрик, поскольку Элис втянула тебя в наш скандал, я хочу, чтобы от этого была польза. Сядь и говори правду. – Гест снова повернулся к Элис. – Ты ведь согласишься Седрику? Даже если считаешь своего законного мужа лживым изменником?

Элис не могла отвести глаз от Седрика. Он был бледен и тяжело дышал, приоткрыв рот. Угораздило же ее завести этот разговор при нем! Что он теперь о ней подумает? Седрик всегда был ей другом. Можно ли теперь спасти хотя бы их отношения?

– Он никогда не лгал мне, – сказала она. – Я поверю ему.

– Элис, я...

– Тихо, Седрик, вопроса еще не было.

Гест в задумчивости оперся руками о стол и заговорил размеренно, как будто зачитывал пункты договора:

– Ответ моей жене полностью и правдиво. Ты находишься рядом со мной почти все время, пока я работаю, и иногда до самой глубокой ночи. Если кто знает мои привычки, то это ты. Посмотри на Элис и скажи ей правду: есть ли в моей жизни другая женщина?

– Я... То есть нет. Нет.

– Я когда-нибудь интересовался женщинами – здесь, в Удачном, или во время наших торговых поездок?

Голос Седрика окреп:

– Нет. Никогда.

– Вот видишь? – Гест отрезал себе кусочек фруктового пирога. – Твои грязные обвинения безосновательны.

– Седрик! – Она почти умоляла – ведь она была так уверена! – Ты говоришь правду?

Седрик отрывисто вздохнул:

– В жизни Геста нет другой женщины, Элис. Вообще нет.

Он смущенно разглядывал свои руки, и Элис заметила на его пальце кольцо, которое ночью видела у Геста. Ей стало стыдно.

– Прошу прощения, – прошептала она.

Гест решил, что она обращается к нему:

– Прощения? Ты оскорбила и унизила меня перед Седриком, и это все, что ты можешь сказать? Я полагаю, что ты должна мне куда больше, Элис.

Элис встала. Ноги не держали ее. Ей хотелось одного – оказаться подальше от этой комнаты и этого ужасного человека, который каким-то образом получил власть над ее жизнью. Только бы вернуться в свою тихую комнату и забыться за древними свитками из другого мира и другого времени!

– Не знаю, что еще я могу сказать.

– Отлично. После столь тяжкого оскорбления тебе нечего сказать. Ты извинилась, но это вряд ли меняет дело.

– Я прошу прощения, – повторила она, сдаваясь. – Прошу прощения, что затеяла этот разговор.

– Это касается нас обоих. Покончим с этим. Никогда больше не обвиняй меня в подобном. Это недостойно тебя. Такие разговоры недостойны нас обоих.

– Не буду. Обещаю.

Она чуть не опрокинула свой стул, торопясь уйти.

– Я заставлю тебя сдержать это обещание! – сказал Гест ей вслед.

– Я обещаю, – тупо повторила она и выбежала из комнаты.

Близилась ночь. Даже летом дни казались короткими. Огромные деревья безраздельно царствовали на широкой плоской равнине и расступались только перед белесыми речными струями. Дневной свет пробивался сквозь чащу лишь в те часы, когда солнце стояло высоко и его лучи падали на узкую полоску воды и земли между стенами деревьев вдоль реки. Сейчас солнце склонилось ниже, медленно подступал вечер.

Их жизнь проходила в сумерках. С того лета, как она вышла из кокона, минуло четыре года. Четыре года они жили впроголодь, заброшенные, утратившие всякую надежду. Четыре сумрачных лета, четыре дождливые серые зимы. Все эти годы их жизнь состояла только из еды и затаянного ежедневного сна. Но ощущения, что они слишком много спят, не возникло, – напротив, Синтара постоянно чувствовала легкую усталость. Топкая земля и сумрак хороши для ящериц, но не для драконов. Драконы созданы для яркого света, сухого песка и долгих жарких дней. Драконы летают. Как она стремилась летать! Улететь прочь от грязи, тесноты и мрачного берега.

Синтара вытянула шею и повела носом над пятном береговой грязи, подсыхающей с внутренней стороны крыла. Она почесала это место, потом вытянула увечное крыло и похлопала им по телу в попытке отряхнуться. Грязь частично осыпалась. Стало немного легче. Как же ей хотелось искупаться в теплой озерной воде, выбраться на яркий солнечный свет, чтобы обсохнуть, а потом поваляться и потереться о песок, полируя чешую до блеска! В нынешней ее жизни ничего этого не было. Одна лишь память предков.

Ее дразнили не только драконьи воспоминания. Она видела сны – о полете, об охоте. О городе, где был источник жидкого серебра. В этом источнике дракон мог утолить ту жажду, которую не утоляет вода. Часто приходили видения о том, как драконы вдоволь наедались горячего, свежего мяса. Как спаривались в небе, как строили гнезда для яиц на песчаной отмели. Великое множество воспоминаний и сновидений, вызывавших горькие чувства. А еще ей было известно, что какой-то части воспоминаний недостает. Она злилась. Понимала, что обделена целым пластом знаний, но не могла определить, чего именно не хватает. От этого становилось еще больнее – ведь драконьи воспоминания и так очень ясно свидетельствовали о ее телесной ущербности.

Наследство воспоминаний не давало Синтаре быть собой, как заведено было у ей подобных. Когда она была змеей, в ее распоряжении была родовая память змей – о путях странствий, теплых течениях и рыбьих косяках, о местах Сбора, песнях и устройстве общества змеев. Когда

змеи окукливался, эта память угасала, и для вылупившегося дракона его змеиная жизнь оставалась лишь смутным воспоминанием. Новая память была наследным сокровищем драконьего знания. Как летать по звездам, где и в какое время года лучше охотиться, как вызывать на брачные поединки, как выбирать берег для кладки яиц – вот что заключалось в ней. При этом каждый дракон обладал и более древними личными воспоминаниями своих предков. Они передавались не только через преображающееся тело змея, но и через слюну тех драконов, которые помогали ему запечатывать кокон. А когда окукливалось нынешнее поколение змеев, драконьей слюны им досталось слишком мало. Может быть, поэтому некоторые из них получились тупыми, как скотина.

Солнце должно было уже достичь незримого горизонта. На узкой полоске неба над рекой стали появляться звезды. Синтара смотрела на россыпь огоньков и думала, что окружающий пейзаж точно соответствует ее неполноценному, ограниченному существованию. Грязевой берег реки, протекающей через огромный лес, был единственным местом, которое она знала в этой жизни. Драконы не могли никуда уйти отсюда. Лес был непреодолимым препятствием. Несмотря на то что деревья-гиганты росли в основном довольно далеко друг от друга, между ними из болотистой почвы торчали их корни, путь преграждал подлесок, лианы и прочие растения. Даже людям, которые куда меньше драконов, с трудом удавалось ходить по лесу. Тропы, проложенные через подлесок, быстро превращались в вязкое месиво. Нет. Выбраться из этого леса дракон мог только по небу...

Синтара снова хлопнула бесполезным крылом и сложила его. Потом оторвала взгляд от звезд и огляделась. Другие уже собрались под деревьями. Она презирала их. Недоразвитые, уродливые твари, хилые, сварливые, слабые и недостойные жизни. Как и она сама.

Синтара потопала по грязи к ним. Она была голодна, но уже почти не замечала этого. Голод сопровождал ее с того самого дня, как она вышла из кокона. Сегодня она съела семь рыбешек – пусть и не совсем свежих, но больших – и одну птицу. Птица была жесткой. Иногда она мечтала о теплом мясе, сочащемся свежей кровью, но то были только мечты. Охотникам редко удавалось найти крупную добычу поблизости, а чтобы доставить драконам болотного лося или речную свинью издалека, приходилось разделять тушу. К тому же драконам редко доставались хорошие куски – обычно им отдавали кости, внутренности, шкуру, тощие голени и головы с рогами и только иногда мясистый горб речной свиньи или лосиную ляжку. Люди забирали себе лучшую часть добычи, бросая драконам объедки, как бродячим псам, что побиваются у городских ворот.

Лапы чавкали по вязкой почве, а хвост был постоянно покрыт грязью. Земля здесь тоже страдала, лишенная возможности затвердеть и исцелиться. Все деревья по границе прогалины были отмечены шрамами и царапинами от драконьих когтей. У нескольких драконы повредили кору, выскребая из-под нее червей, у других раскопали корни. Синтара подслушала, что люди беспокоятся: ведь даже деревья обхватом с башню могут умереть от такого обращения. А что будет, если громадное дерево упадет? Те из людей, что были подальше, переселились с крон поврежденных деревьев. Но неужели им не понятно, думала Синтара, что если такое дерево будет падать, то оно заденет соседние? Люди в этом отношении глупее белок.

Только летом береговая грязь немного подсыхала, так что ходить становилось легче. А зимой драконам небольшого роста приходилось высоко поднимать лапы. По крайней мере, они пытались это делать. Но большинство из них умерли прошлой зимой. Очень жаль. Синтара, предвидя смерть каждого ослабевшего, дважды оказалась проворнее прочих и набила брюхо их мясом, а голову – их памятью. Умерших не вернешь, а оставшиеся, похоже, могли пережить лето – если не случится болезни или какой другой беды.

Она приблизилась к сбившимся в клубок драконам. Спать в клубке – это неправильно! Так спят змеи – переплетаясь друг с другом под волнами, чтобы океанское течение не рассеяло их. Многие в ее змеиной памяти стерлись за ненадобностью, как и следовало. В той жизни

она была Сисарквой. Теперь она Синтара, драконица, а драконы не спят, сгрудившись в кучу, подобно добыче.

Не спят – если только они не увечные, ни на что не годные, слабые создания, почти что ползающее мясо. Синтара протолкалась в середину. Она переступила через хвост Фенте, и мелкая зеленая зараза зашипела на нее. Но не обожгла. Фенте была злобной, однако не настолько тупой. Она знала, что если укусит Синтару, то это будет последний укус в ее жизни.

– Ты заняла мое место, – предостерегла ее Синтара, и Фенте подобрала хвост под бок.

– А ты неуклюжая. Или слепая! – огрызнулась зеленая, но так тихо, как будто не хотела, чтобы Синтара услышала.

Из мести Синтара подтолкнула Фенте к Ранкулосу. Красный уже спал. Не открывая серебряных глаз, он пнул Фенте и перевернулся на бок.

– Где ты была? – спросил Сестикан, второй по величине синий дракон, когда Синтара устроилась рядом с ним.

Это было ее место. Она всегда спала между ним и суровым Меркором – не потому, что те стали ее друзьями или союзниками. Просто самые большие самцы – хорошее укрытие. А еще Сестикана она считала одним из тех немногих, кто способен вести разумный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.